

КОЛИНОУКЛИ

Реальная любовь

Колин Оукли
Почти касаясь

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Оукли К.

Почти касаясь / К. Оукли — «Эксмо», 2017 — (Реальная любовь)

ISBN 978-5-04-091906-2

Можно ли скучать по тем чувствам, что никогда не испытывал? У Джубили редкое заболевание – аллергия на людей. Это вовсе не смешно: одно лишь прикосновение может вызвать у нее сильную реакцию, а поцелуй и вовсе убить. И кажется, можно провести всю жизнь, не выходя из дома, ведь есть книги и доставка еды. Но однажды Джубили понимает, что одинока. Ей необходимо что-то предпринять. Ведь она даже не может вспомнить каково это – когда тебя обнимают.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-091906-2

© Оукли К., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Глава пятая	36
Глава шестая	39
Глава седьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Колин Оукли

Почти касаясь

Colleen Oakley

Close Enough To Touch

Copyright © Colleen Tull, 2017

© Стражгородская М., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Моей старшей сестре Меган, за все

Не нужно мне ни знаний, ни титулов, ни почета.

Лишь эта музыка, эта заря и тепло твоей щеки рядом.

Руми

Часть первая

Ты можешь быть тише воды и ниже травы, но однажды тебя все равно найдут.

Харуки Мураками, 1984

(Двадцать лет назад)

«Нью-Йорк таймс»

ДЕВОЧКА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ТРОГАТЬ

Уильям Колтон

С первого взгляда Джубили Дженкинс ничем не отличается от самой обычной третьеклассницы. Она может назвать по именам всех трех девочек из мультфильма «Суперкрошки», которые нарисованы на ее футболочке (и назовет их, если ее попросить), она специально надевает носки разных цветов, как того требует этикет начальной школы Гриффин. Яркие резиночки не дают ее тонким красно-каштановым волосам падать на лицо.

Дженкинс и в самом деле похожа на множество других третьеклассниц Америки, да хотя бы тем, что у нее аллергия. Согласно отчетам Всемирной аллергологической организации, с середины 1980-х годов количество детей с астмой или аллергией только растет, и особенно врачей пугает рост пищевой непереносимости.

Вот только у Дженкинс аллергия не на арахисовое масло. И не на пчел. И не на домашних животных. И не на какой-то из подобных распространенных аллергенов.

У Джубили Дженкинс аллергия на других людей.

Джубили была обычным младенцем, ее родила мать-одиночка Виктория в 1989 году. Вот что рассказывает старшая Дженкинс: «У нее было прекрасное здоровье. В семь недель она спала все ночи напролет, в десять месяцев уже пошла. До трех лет все было отлично, а потом начали появляться ранки».

Именно тогда миссис Дженкинс, которую только-только назначили менеджером в магазине «Belk» в Фонтейн-Сити в штате Теннесси, заметила сыпь у Джубили. И это была не просто пара прыщиков.

– Это было просто ужасно: раздувшиеся волдыри, зудящая сыпь, сводившая ее с ума, чешуйки кожи, свисающие с рук и лица. Она кричала от боли, – рассказывает Дженкинс-старшая.

За шесть месяцев миссис Дженкинс нанесла более 20 визитов семейному врачу, а также в кабинет неотложной помощи в больнице – и все безрезультатно. Трижды Джубили пришлось реанимировать при

помощи эипена¹ из-за анафилактического шока. Врачи разводили руками в недоумении.

Так продолжалось еще три года, за которые Джубили сдала все известные в двадцатом веке тесты на аллергены.

– Ее крошечные ручки были похожи на игольницы. И дома мы уже все испробовали: сменили все моющие средства, вели дневник питания, убрали все ковры, перекрасили стены. Я даже бросила курить! – говорит мама Джубили.

Это продолжалось, пока они не встретили доктора Грегори Бенефилда, аллерголога и впоследствии адъюнкт-профессора университета Эмори в Атланте. Тогда у них наконец начали появляться ответы на вопросы.

(Продолжение см. в начале второй части)

¹ Эипен – средство экстренной помощи при острых аллергиях; инъекция адреналина в специальном одноразовом шприце, похожем на авторучку.

Глава первая

Джубили

Однажды меня поцеловал мальчик, и я чуть не умерла.

Я понимаю, что это звучит так, будто бы я подросток, принимающий все слишком близко к сердцу, и что говорю это срывающимся голосом, рыдая вза-хлеб. Но я не подросток. И я имела в виду именно то, что сказала. Примерно так развивались события:

Мальчик поцеловал меня.

Губы начало покалывать.

Язык увеличился и заполнил рот.

Горло распухло, я не могла дышать.

Все потемнело.

И так довольно унизительно отключиться сразу после первого в жизни поцелуя, но еще унизительнее узнать, что парень поцеловал тебя на спор. Была ставка. Твой рот настолько, очевидно, не предназначен для поцелуев, что понадобилось пятьдесят долларов, чтобы убедить его прижать свои губы к моим.

А теперь самое интересное: я знала, что это может меня убить. По крайней мере, в теории.

Когда мне было шесть, мне поставили диагноз – контактный дерматит четвертого типа, вызываемый клетками кожи других людей. Если отбросить терминологию медицины: у меня аллергия на других людей. Да, *людей*. И – да, это редкая штука, настолько редкая, что я – одна из невероятно малого количества людей в истории, которые страдали от этого заболевания. Проще говоря, появляются волдыри и крапивница, когда меня касается другой человек. Врач, который в итоге понял, чем именно я больна, высказал теорию, что самая сильная реакция – анафилактический шок – случалась от того, что мое тело слишком сильно реагировало на длительное воздействие на кожу или на пероральное попадание в него аллергенов, например, если я пила с кем-то из одного стакана, и слюна другого человека оказывалась у меня во рту. Он сказал:

– Нельзя делиться едой и напитками. Никаких объятий. Никаких поцелуев. Это может тебя убить.

Но я была семнадцатилетней девушкой с влажными ладонями и подгибающимися коленями, в сантиметрах от меня были губы Донована Кингсли, и о последствиях я даже не думала – даже если они могли быть для меня смертельными. В тот момент – тот самый момент, когда у меня перехватило дыхание от того, что его губы коснулись моих... Осмелюсь сказать, мне почти показалось, что оно того стоило.

Пока я не узнала о пари.

Вернувшись домой из больницы, я отправилась прямиком в свою комнату. И так и не покидала ее, хотя до конца моего последнего года в школе оставалось еще две недели. Диплом мне прислали по почте, уже летом.

Через три месяца моя мать вышла замуж за Ленни, владельца сети бензоколонок на Лонг-Айленде. Она собрала ровно один чемодан и ушла. Это было девять лет назад. И с тех пор я не покидала дом.

Я не проснулась как-то утром и не подумала: «А стану-ка я затворницей». Мне даже слово «затворник» не нравится. Оно мне напоминает о смертоносном пауке, затаившемся в ожидании, готовящемся впрыснуть яд в того, кто встретится на его пути.

Просто после моего почти смертельного первого поцелуя я не хотела выходить из дома, чтобы не наткнуться на кого-нибудь из школы (и, думаю, меня можно понять). Не хотела и не выходила. То лето я провела у себя в комнате, слушая «Coldplay» и читая. Я много читала.

Мама посмеивалась надо мной из-за этого: «Вечно ты носом в книжку уткнешься». Она еще глаза закатывала, произнося эту фразу. Хотя я читала не только книги. Еще и журналы, газеты, брошюры... Да все, что попадалось под руку. И я почти все запоминала, хоть и не старалась. Это маме как раз нравилось. Она просила меня цитировать наизусть: перед друзьями (которых было не слишком-то много), перед ухажерами (которых, напротив, было слишком много). Так я показывала это странное знание, накопленное годами. Например, что очаровательные королевы бьют все рекорды по неверности среди птиц, или что правильное произношение имени доктора Сьюза рифмуется с «Джойс», или что Леонардо да Винчи изобрел пулемет (что, в общем, никого не удивляет, ведь он изобрел еще тысячи вещей). После этого представления она обычно широко улыбалась и пожимала плечами, приговаривая: «И в кого она такая?» А я на это обычно удивлялась, может, это и не так далеко от истины, ведь каждый раз, когда я набиралась храбрости спросить об отце – например, как его зовут, она огрызалась репликой вроде: «Да какая разница? Сейчас же его тут нет?»

По правде говоря, подростком я была сущим цирковым уродцем. И не потому что не знала, кто был моим отцом, не потому что помнила кучу случайных фактов. Я почти уверена, что ничего из этого не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Так было из-за моего здоровья, точнее, из-за того, как другие относились к нему: как к *состоянию*. И мое *состояние* было причиной тому, что моя парта в начальной школе должна была стоять не ближе двух с половиной метров от парт других учеников. И тому, что на перемене я должна была сидеть одна и смотреть, как другие дети выстраиваются в паровозик, играют в казаки-разбойники или висят на турниках. И тому, что меня заматывали в одежду с длинными рукавами, штанинами и заставляли носить рукавицы – ткань закрывала каждый сантиметр моего тела на случай, если какой-то ребенок из тех, от кого меня держали подальше, случайно лопнет тот невидимый пузырь, который окружал меня. И, конечно, я с открытым ртом глазела на матерей, которые, забирая детей из школы, стискивали их в объятиях. Я пыталась вспомнить это ощущение.

В общем, учесть все эти условия: мое *состояние*, случай с мальчиком, который почти убил меня поцелуем, отъезд матери... И вуаля – у вас появилась идеальная формула для того, как стать затворником. Или дело не в чем-то конкретном. Может, мне просто нравилось быть одной. В любом случае, что получилось, то получилось.

В какой-то момент я испугалась, что стала Страшилой Рэдди нашей округи. Я не была мертвенно-бледная, больной не выглядела, но, думаю, местные детишки меня опасались. Может, я слишком пристально смотрела из окна, когда они катались на самокатах. Несколько месяцев назад я заказала и повесила панельные шторы и начала выглядывать из-за них, но мне казалось, что это еще более жутко, чем когда меня просто было видно из окна. Но я не могла с собой совладать. Мне нравилось наблюдать, как они играют, впрочем, это и звучит пугающе, когда я так об этом рассказываю. Но мне было приятно видеть их радость, быть свидетелем нормального детства.

Однажды мальчишка посмотрел мне прямо в глаза, а потом повернулся к своему другу и сказал ему что-то. Они оба засмеялись. Я не могла услышать, над чем, так что притворилась, будто это было что-то вроде: «Смотри, Джимми, там опять эта милая симпатичная леди». Но боюсь, что скорее это было похоже на: «Смотри, Джимми, вот та сумасшедшая, которая ест кошек». Кстати, кошек я не ела. Страшила Рэдди был неплохим человеком, но про него все равно болтали всякое.

Однажды зазвонил телефон. Я оторвалась от книги и сделала вид, что собиралась не брать трубку. Но знала, что все равно отвечу на звонок. Даже если для этого нужно было выбраться из затертого плюша моего кресла и пройти семнадцать (да, я считала) шагов до кухни, чтобы

взять горчично-желтую трубку, так как мобильного телефона у меня не было. Даже если бы мне опять пытались что-то продать (такие мне часто звонили) или даже если это была моя мать, которая звонила мне три-четыре раза в год. Даже если сейчас в тот момент я читала ту главу книги, где детектив и убийца наконец оказались в одной церкви после игры в кошки-мышки на протяжении последних двухсот семидесяти четырех страниц. В тот день я ответила на звонок по той же причине, по которой отвечаю всегда: мне нравится слышать голос другого человека. Или, может, мне нравится звук собственного голоса.

Дзыыыыыыынь!

Я встала.

Отложила книгу.

Семнадцать шагов.

– Алло?

– Джубили?

Я не узнала этот мужской голос и попыталась угадать, что он продает. Таймшер? Услуги нового провайдера интернета, у которого скорость в восемь раз быстрее, чем у предыдущего? Или, может, он проводит опрос? Однажды я сорок пять минут проговорила о моих любимых вкусах мороженого.

– Да?

– Это Ленни.

Ленни. Муж моей матери. Я видела его всего раз – много лет назад, пока они встречались, до ее переезда на Лонг-Айленд. Больше всего мне врезалось в память то, что у него были усы, и он их постоянно поглаживал, как верную собачонку, живущую у него под носом. Еще он был вежлив настолько, что мне иногда бывало неловко. Помню, мне все время хотелось ему поклониться, хоть он и был невысок. Будто бы он был королевских кровей или что-то вроде того.

– Да.

Ленни кашлянул.

– Как ты?

Мысли лихорадочно заметались. Я почти была уверена, что это не звонок вежливости, Ленни ведь никогда не звонил мне раньше.

– Я в порядке.

Он снова закашлял.

– Ладно, я собирался сказать, что Виктория... Викки...

Его голос сорвался, он попытался замаскировать это под очередной приступ кашля, и в итоге зашелся по-настоящему. Я прижала трубку к уху двумя руками, вслушиваясь в кашель. И подумала, интересно, он еще носит усы?

Кашель наконец прошел, Ленни набрал воздуха и выпалил:

– Твоя мать умерла.

Слова залетели ко мне в ухо и застряли там, как пуля, пойманная зубами трюкача в последний момент. Я не хотела, чтобы они проникали дальше.

Все еще держа трубку, я прижималась спиной к обоям с веселеньким узором из вишен, сползая по ним, пока не коснулась протертого и потрескавшегося линолеума. Я попыталась вспомнить, когда в последний раз видела свою мать.

На ней был лиловый костюм-двойка на два размера меньше, чем ей стоило бы носить, и жемчуг. Это было через три месяца после того, как меня поцеловал мальчик и я чуть не умерла. Как я уже говорила, большую часть того лета я провела в своей комнате. Другая часть лета ушла на упреки в сторону моей матери, ведь если бы она не перевезла нас из Фонтейн-Сити, Теннесси, в Линкольн, Нью-Джерси, тремя годами ранее, ничего этого бы не случилось.

Но, по правде говоря, это был меньший из ее материнских грехов. Просто этот случай был самым последним и самым ощутимым по последствиям, так что я могла злиться сколько угодно.

– Я начинаю новую жизнь, – сказала она, кружась у лестницы. От этого движения приторный запах ее ванильного спрея для тела разнесся в воздухе.

Я сидела в плюшевом кресле, перечитывая «Нортенгерское аббатство» и поглощая тонкие мятные печенья из упаковки.

– Ну, разве весь мой облик не кричит: «А вот и жена миллионера»?

Нет. Он скорее говорил, что это развратная версия Джун Кливер из «Предоставьте это Биверу». Я снова опускаю взгляд в книгу.

Я слышу знакомое шуршание целлофана, когда она лезет в задний карман за пачкой сигарет, и щелчок зажигалки.

– Знаешь, я уезжаю через несколько часов.

Она выпустила дым и села на диванную подушку рядом со мной.

Я подняла взгляд, и она показала на входную дверь, у которой стоял единственный чемодан, который она брала с собой. Тем утром я спросила у нее, неужели это все, что она берет. Она ответила, что больше ей ничего и не нужно, ведь у Ленни есть все. А потом захихикала, и это было так же странно, как видеть ее в костюме, жемчугах и смотреть, как она кружится.

– Я в курсе.

Мы посмотрели друг на друга, и я подумала о ночи накануне, когда я лежала у себя в кровати и вдруг услышала, как скрипнула дверь. Я знала, что это она, но не шелохнулась, притворяясь, что сплю. Она долго простояла – так долго, что я уже было решила, что задремала до ее ухода. И я не знала, показалось ли мне или я на самом деле слышала, как она всхлипнула. Она плакала. Тогда я думала, вдруг она пыталась набраться храбрости и сказать что-то, может, какую-то мудрость, которую матери передают дочерям. Или просто признать, что ей не так просто дается все это материнство, после чего мы бы посмеялись и сказали что-то банальное, вроде: «Ну мы же выжили, несмотря ни на что».

Но она просто еще раз затянулась и выдала:

– Я говорю, что тебе не обязательно быть стервозной.

Оу.

Я не была уверена в том, как стоит на это реагировать, так что я просто вытащила еще одно печенье из пакета и попыталась не думать о том, как сильно я ненавижу свою мать. И как ненависть к ней заставляет меня чувствовать себя такой виноватой, что я ненавижу и саму себя тоже.

Она кивнула, выдыхая дым.

– Ты точно не хочешь поехать со мной? – спросила она, хотя знала ответ наверняка.

Честно говоря, она меня спрашивала об этом множество раз, в той или иной форме, например: «У Ленни очень просторно. Может, ты сможешь жить в отдельном гостевом домике. Разве тебе не будет здесь грустно совсем одной?» Над последним предположением я даже засмеялась – может, дело в том, что я подросток, но мне не терпелось остаться одной.

– Я уверена, – сказала я и перелистнула страницу.

Последний час мы так и провели в тишине – она курила одну сигарету за другой, я притворялась, что поглощена книгой. А потом прозвенел звонок в дверь, дав понять, что приехал ее водитель. Она подпрыгнула, поправила волосы и в последний раз посмотрела на меня.

– Ну, я пошла.

Я кивнула. Я хотела сказать, что она отлично выглядит, но слова застряли у меня в горле.

Она взяла чемодан и ушла, и дверь тихо захлопнулась за ней.

А я осталась, с книгой на коленях и пустой упаковкой от печенья под боком. Половина сигареты еще тлела в пепельнице на кофейном столике, и мне страшно хотелось взять ее. Прижать к губам – даже если это меня и убьет. И вдохнуть запах матери в последний раз.

Но я этого не сделала. Я просто смотрела, как она тлеет.

А теперь, девять лет спустя, моя мать умерла.

Эта новость не стала громом среди ясного неба. Месяцев десять назад она упоминала, что странная болячка у нее на голове, которая все никак не заживала, оказалась меланомой. То ли смеясь, то ли кашляя, она добавила, что всегда думала, ее доконают легкие.

Но маме было свойственно все драматизировать, например, однажды ее укусил москит, она решила, что у нее лихорадка Западного Нила и следующие три дня пролежала в кровати. Так что я не была уверена, было ли ее заявление о том, что она умирает, поставленным диагнозом врача или же еще одним тщательно продуманным способом привлечь внимание.

Оказывается, на этот раз первый вариант был верен.

– Похороны в четверг. Мне прислать к тебе водителя?

Похороны. На Лонг-Айленде. Резко возникло чувство, будто гигантский кулак оказался у меня в груди и теперь сжимает все внутри. Сильнее и сильнее, пока воздуха совсем не осталось. Это так люди начинают чувствовать скорбь? Это уже скорбь по ней? Или это мысль о том, что придется выйти из дома, сжимает мои органы? Я не знаю.

Но я точно знаю, что я не хотела ехать, я *никуда* не хотела выходить последние девять лет. Но если бы я сказала об этом, меня сочли бы ужасным человеком. Что за человек вообще способен не прийти на похороны матери?

А еще я знаю, возможно, мамин «понтиак», простоявший девять лет на подъездной дорожке, просто не проедет столько.

Я глотала воздух, надеясь, что Ленни не услышит, как тяжело мне дышать.

Наконец я ответила:

– Тебе не нужно присылать шофера. Я разберусь со всем.

Тишина.

– Начало в десять утра. Я пришлю тебе адрес по электронной почте.

И тут я почувствовала, как начало расти напряжение между нами: как в его голосе возникли металлические нотки, будто бы он сидел на совещании, а не обсуждал умершую жену с падчерицей, которая никогда не была ему нужна.

– Я знаю, что сейчас, возможно, неподходящий момент, но я бы хотел, чтобы ты знала, твоя мать оставила тебе дом, целиком и полностью – я выплатил остаток по твоей ипотеке, все документы я тебе перешлю. Машина тоже твоя, если она все еще у тебя. Но, э-м-м-м-м, чеки, которые она тебе присылала... Думаю, что мне стоит тебе сказать, я не собираюсь продолжать эту традицию, так что тебе придется... что-то придумать.

Мои щеки залились краской при упоминании о содержании, и я еле подавила порыв положить трубку. Я чувствовала себя неудачницей. Как те тридцатилетние мужики, которые живут в подвале дома своих родителей, которым мамы все еще стирают белье и срезают корочку с хлеба. Думаю, в каком-то смысле мы похожи.

Первый чек пришел через неделю после маминого отъезда.

Я положила его на кухонный стол, и каждый раз, когда проходила мимо, он мозолил мне глаза. Мне страшно хотелось его выкинуть. Может, мама и хотела жить за счет Ленни до конца жизни, но я нет.

А потом пришел счет за электричество. А потом – за воду. А потом – ипотека.

Я обналичила чек.

Мне было восемнадцать, у меня не было работы, и я пыталась понять, что же мне делать со своей жизнью. Разумеется, надо бы поступить в колледж и устроиться на работу. Так что я поклялась себе, что это было в первый и последний раз. Что я больше не возьму деньги.

Когда пришел следующий чек, тремя неделями позднее, у меня все еще не было работы, но мне не хотелось выходить из дома и обналичивать чек, так что я думала, на этом все и закончится. Но вот, оторвавшись от напряженной игры в «Bejeweled»², я быстро прошерстила интернет и выяснила, что можно просто отправить чек в банк, и деньги волшебным образом окажутся у меня на счету. А потом, когда я вернулась к щелканью по разноцветным драгоценным камушкам и смотрела, как они умиротворяюще исчезают, я задумалась, что еще я могу делать, не выходя из дома.

Оказалось, что много всего.

Это превратилось в своего рода игру – что я могу добыть, сидя в пижаме.

Продукты? Доставка из магазина.

Колледж? Я получила степень за восемнадцать месяцев на одном из этих онлайн-ресурсов. Не уверена, что она котируется, но клочок бумаги, который они прислали, выглядит вполне официально. Мне захотелось продолжить, получить степень магистра, может, и доктора, но цена в четыреста долларов за зачетный час истощала мой и без того скромный бюджет, так что я записалась на несколько курсов, которые проводит Гарвард каждый семестр. *Бесплатно*. И зачем эти умники платят сотни тысяч долларов за Лигу плюща?

Стоматолог? Зубная нить и чистка зубов каждый раз после еды. У меня не бывало зубной боли, за что я благодарила свою привычку ухаживать за зубами. И я уже начала думать, что стоматология – это миф.

Сосед как-то оставил мне записку на двери, предупреждая о том, что трава выросла уже неприлично высоко и что мне стоит ее скосить ради сохранения «цельности» впечатления от нашего квартала. Я позвонила в компанию, которая занимается обустройством территории, и попросила приходить раз в месяц. Чек я им оставляла под ковриком на крыльце.

Вывоз мусора оказался задачей посложнее. Я не могла придумать, как же мне доносить мешки до обочины, не выходя из дома. Не то чтобы я не могла этого делать, просто теперь мне не хотелось. Это было последним кусочком мозаики. Я не горжусь своим поступком, но я позвонила в городскую службу уборки мусора и сказала им, что я инвалид. Мне ответили, что, если я смогу класть мусор в бак у задней двери, уборщики будут заходить и забирать его каждый четверг, утром. И я почувствовала трепет гордости за свой блестящий обман.

Прошло полгода. Затем год. И бывало время, когда я удивлялась, неужели все так и будет. Что, я так и проживу жизнь, никогда больше ни с кем лично и не общаясь? Но чаще всего я просыпалась каждое утро и жила, как все остальные, – не думая о жизни в целом, просто делала задания для курсов, готовила ужин, смотрела новости, а потом просыпалась и делала все это опять. В этом смысле, думаю, я не слишком отличалась от всех остальных.

И хоть моя мать и звонила мне периодически: пожаловаться на погоду, грубого официанта, плохой конец сериала или похвалиться очередным из многих путешествий с Ленни, или пригласить меня в гости на праздники (она знала, что я не приеду), мы никогда не обсуждали деньги, которые она мне присылала. Мне было стыдно их брать, но я убедила себя, что заслужила их за то, что она была такой фиговой эгоистичной мамашей.

Но я никогда не думала, что это продлится так долго.

– Я знаю о твоём *состоянии*, но я никогда не понимал, зачем...

– Я понимаю, – ответила я, сгорая от унижения.

Но к стыду еще примешивалась злость – злость на то, что моя мать не оставила мне денег, а только дом и машину (но я понимала, что это неблагодарно с моей стороны), хотя я осознавала, что технически – это деньги Ленни. Или, может, я злилась на себя, потому что стала такой зависимой от этих ежемесячных чеков. Или я злилась вовсе не из-за денег. Может, я злилась потому, что так ни разу и не поехала к ней в гости. И ни разу не пригласила ее.

² Компьютерная игра, главная цель которой – соединять разноцветные камешки-фишки в группы по три и более.

Забавно, когда кто-то умирает, мы тут же прощаем им все, например то, как меня изматывали беседы с ней по телефону, настолько, что я не хотела видеть ее вживую. Но теперь... теперь уже слишком поздно.

– Ну, что ж, – сказал Ленни.

Нам больше нечего было обсуждать, так что я ждала, когда он попрощается. Но пауза затянулась, и я уже было подумала, что он положил трубку, а я не заметила.

– Ленни? – спрашиваю я в тот же момент, когда он начинает говорить.

– Джубили, твоя мама очень... Ну, ты знаешь. – Голос снова его подвел.

Я не знала. Моя мама очень что? Очень любила тесные блузки? Очень много курила? Была очень невыносима в быту? Я долго-долго держала трубку, надеясь, что он все же договорит. Что это как-то уже попало в эфир и вот-вот материализуется. И когда я поняла, что этого не произойдет, выпустила трубку из руки, и она упала на пол возле меня.

Прошли минуты. Может, часы. Но я не сдвинулась с места, даже когда из трубки стали доноситься гудки.

Моя мать умерла.

Я оглядела кухню в поисках отличий, сравнивая до и после. Я загадала, если найду хоть одно, это будет свидетельством, что, может, я попала в какую-то параллельную вселенную. Может, в другой, настоящей, мама жива. Или я слишком много раз читала «1Q84». Я глубоко вздохнула, и к глазам подступили слезы. Обычно я не показывала чувств, но сегодня просто сидела и плакала.

В отшельничестве были свои плюсы. Так, у меня уходило всего шесть минут на то, чтобы помыть одну тарелку, кружку и вилку, которые я использовала каждый день (да, я засекала). И никто меня не бесил пустыми разговорами. Мне не нужно было кивать и улыбаться, когда кто-то говорил, что сегодня, может, будет дождь, и бубнил какую-то глупость вроде того, что травке это понравится. В общем-то, мне не нужно было волноваться по поводу погоды. Идет дождь? Да какая разница! Я все равно не выходила из дома. Но и минусы тоже были. Например, глубокой ночью я иногда лежала и слушала, как тихо на улице, и думала, может, я последний человек на Земле. Может, там гражданская война, или супергрипп, или зомби-апокалипсис, и мне просто забыли сказать, потому что никто не помнил, что я здесь. В такие ночи я думала о маме. Она бы мне позвонила. Она бы вспомнила. И на меня накатывали теплые волны.

Но ее не стало. И я лежала в кровати, слушала ночь и думала, что теперь обо мне некому вспомнить.

Четверг начинался, как и любой другой день: я спустилась на первый этаж и пожарила глазунью из двух яиц с тостом (хлеб я разрезала на крошечные кусочки, я так делаю после того, как я четыре года назад поперхнулась и чуть не задохнулась) и прочитала за завтраком новости в интернете. Но потом, вместо того, чтобы перейти к следующей лекции в моем курсе в Гарварде (на той неделе была тема лекции «Шекспир, как ни крути: поздние пьесы»), я вынуждена признать, что день намечался необычный.

Мне предстояло выйти из дома.

Мое сердце заколотилось при этой мысли, так что я пыталась отвлечься первостепенной проблемой: мне нечего было надеть на похороны матери. Единственные черные вещи, которые у меня имелись, – это пара тренировочных штанов и толстовка к ним. Не совсем то, что положено надевать на кладбище.

Я поднимаюсь вверх, иду по коридору и останавливаюсь в дверях комнаты матери. В течение девяти лет комната оставалась точно такой, какой она была, когда мама уехала. Но без

жути в стиле мисс Хэвишем³. Никакого недоеденного свадебного торта на столе или чего-то подобного. Я уверяла себя, что это потому, что я не знаю, что делать с ее вещами, но другая часть меня понимала, что мне просто хочется оставить все так, как было. Вдруг она когда-нибудь вернется за ними.

Вот только теперь, думаю, она уже не вернется.

Стоя в гардеробной матери, я рассматривала ее коллекцию женских костюмов, которые были в моде в девяностые, тогда она работала в универмаге. Я вспоминала, как примеряла ее вещи, когда была маленькой, пока она была на работе, нежась в ткани, вдыхая ее сладкий аромат. Я даже забиралась в ее постель, заворачиваясь в простыни, притворяясь, что это ее руки. Это было против правил – доктора предупреждали, что хоть у меня и была реакция только при непосредственном контакте с кожей другого человека, мне стоило быть осторожной с вещами, которые постоянно используют другие люди, например с простынями и полотенцами. Они говорили, что аллергия – очень коварная штука. Но я все равно шла на риск, и, слава богу, ничего страшного не происходило. Это был мой маленький бунт, но в этом таилось кое-что еще – только так я могла почувствовать ее близость. Я стянула с вешалки черный пиджак и надела прямо на белую майку, в которой обычно спала.

Обернувшись, я посмотрела в зеркало в вычурной раме на туалетном столике и, впервые за долгое время, попыталась увидеть себя со стороны. Понимание того, что на меня будут смотреть другие люди – и увидят то, что я вижу в зеркале, – сжало мой желудок. Я не ходила в парикмахерскую много лет, обходилась парой взмахов маникюрных ножниц тут и там, и это было видно. Мои волосы никогда не были послушными, но в какой-то момент они отросли в буйную гриву, каштановые кудри торчали во все стороны от макушки и до талии. Я пыталась пригладить их ладонью, но все было тщетно.

Потом я вспомнила о своем наряде, и взгляд мой упал на подбитые плечи пиджака. Будто бы кто-то задал мне вопрос, а я всеми силами пыталась не показывать, что не знаю ответа. А остальная часть костюма просто плохо сидела. Моя мама была худенькой, но с большой грудью. И хоть я была ненамного крупнее ее, рукава мне были коротковаты, а юбка жала в талии. Но могло сойти и так.

Когда наклонилась в поисках туфель, мне послышался тонкий отголосок ванильного спрея для тела. Сердце екнуло. Я села на пол, прижимая к носу лацкан пиджака, и начала вдыхать.

Но все, что почувствовала, – запах пыльной ткани.

Внизу я взяла сумочку со столика у входной двери. Покопалась в ней и заметила на дне две ярко-желтые таблетки антигистаминов. Их срок годности истек давным-давно, но я убедилась, что они все же сработают, если что-то случится. А затем я взяла перчатки. Интересно, надо ли мне их надевать? Мне всегда казалось, что это перебор – от желтых вязаных перчаток в начальной школе и до взрослых, но не менее странных, кожаных перчаток в старших классах. Дело не в том, что я собиралась отойти от своих привычек и трогать людей или позволить им касаться меня. Не так сложно было удержаться от этого, когда к тебе всегда относились как к прокаженной. Но потом я подумала о всех тех случаях, когда люди касаются друг друга, даже не задумываясь об этом: рукопожатие или когда кто-то отталкивает тебя в толпе, дотрагиваясь до твоей руки.

Я натянула перчатки.

А потом, пока я не передумала, я схватила ключи, опустила ручку двери и переступила через порог.

³ Персонаж из книги Ч. Диккенса «Большие надежды».

Яркость синего сентябрьского неба ударила мне глаза, и я сощурилась, поднимая руку, чтобы прикрыть их. Семь тридцать четыре утра, и я была на улице. На переднем крыльце. Я, конечно, пробиравась под покровом ночи за своими посылками или чтобы забрать доставленные мне продукты, но не помню, когда последний раз вот так стояла перед домом. При свете дня.

Кровь прилила к голове, я покачнулась и схватилась за дверной косяк. Было такое чувство, будто я товар на витрине. Будто бы на меня смотрели тысячи глаз. Сам воздух вокруг меня был слишком разреженный, порывы ветра слишком резкие. Будто меня могло поднять и унести во внешний мир какое-то невидимое течение. Я хотела двинуться, сделать шаг вперед. Но не могла. Будто бы я стояла на краю обрыва, и всего шаг отделял меня от огромной бездны. Мир мог поглотить меня без остатка. А потом я услышала его. Скрежет и грохот мусоровоза, поворачивающего на мою улицу. Я замерла. Был четверг. День вывоза мусора. Сердце бешено колотилось в груди, словно пыталось вырваться из тела. Я нащупала дверную ручку за своей спиной, повернула ее и отступила в дом, громко хлопнув дверью. Потом уже я облокотилась на дверь, стараясь дышать глубже, чтобы вернуть сердцебиение на нормальный уровень. Нормальный. *Нормальный.*

Я посмотрела на свои перчатки и фыркнула. А потом у меня вырвался смех. Я попыталась заглушить хохот, прижимая к губам руки, затянутые в кожу.

О чем я вообще думала? Я считала, что смогу просто выйти из дома и пойти на похороны своей матери, как любой нормальный человек?

Если бы я была нормальной, я бы помахала мусорщику. Или бы поздоровалась. Или бы просто не обратила на него внимание и села в машину, как делают тысячи людей ежегодно, даже не отдавая себе в этом отчета.

Мои плечи заходили ходуном, когда мой смех перешел в рыдания.

Я не еду на похороны матери. Ленни будет думать, где я. Все слова моей мамы о том, что я плохая дочь, подтвердятся.

И еще одна мысль всплыла во всем этом хаосе моих мыслей. Пугающая мысль. Мысль, которая приходила мне в голову, но я отчаянно гнала ее прочь. Но это сложно сделать, когда прижимаешься к двери с внутренней стороны дома, когда не можешь перестать плакать, не можешь перестать трястись и успокоить колотящееся сердце.

А мысль такая: может, я не выходила девять лет из дома не из-за аллергии? Может, потому, что я просто не *могла* этого сделать.

Глава вторая

Эрик

Мне показалось, что рыбка умирает. Она еще не умерла, потому что, когда я аккуратно потыкал в нее ластиком от карандаша, она секунд десять поплавала туда-сюда, еле шевеля плавничками, по своему маленькому аквариуму, после чего все же сдалась и снова всплыла к поверхности. Но не кверху брюшком, впрочем, а не это ли явный знак?

Мой взгляд пробежался по стенам комнаты, будто бы ища чудодейственное средство, которое ее должно было спасти. Но на бежевых стенах, разумеется, ничего. В остальной части небольшой гостиной стоял мой диван, стеклянный кофейный столик, несколько коробок с надписью черным маркером «гостиная». Карандаш, кажется, был моей единственной надеждой.

Я снова тронул в рыбку и обернулся, будто у меня за спиной стоял защитник прав животных и тыкал мне пальцем в лицо. Я был уверен, что подобное можно приравнять к жестокому обращению с животными, но эта рыбка должна жить. Хотя бы еще пятнадцать минут. И карандаш был моей единственной надеждой.

Рыбка перестала взмахивать плавниками и снова всплыла.

Господи Иисусе.

– Что ты там делаешь?

Я вздрогнул от звука тоненького голоска.

– Ничего, – ответил я, напоследок ткнув рыбку, и, сдавшись, опустил карандаш. – Кормлю Сквидбоя.

– Я уже кормил его. Вчера вечером. Я его каждый вечер кормлю.

Я повернулся и увидел большие, темные и пронизательные глаза Айжи, спрятанные за очками в тонкой металлической оправе, и уже в который раз поразился, как часто он заставлял меня чувствовать себя так, будто это я ребенок, а он – взрослый. Внешне он как две капли воды был похож на своего отца, Динеша: та же желудевого цвета кожа, те же шелковистые черные волосы, ресницы такие длинные, что хоть в рекламе туши снимать. А вот по характеру – полная противоположность. Динеш был импульсивным, обаятельным и харизматичным, Айжа же сдержанным и тихим интровертом. Характером он больше походил на меня.

– Я знаю.

Я загородил крошечный аквариум своим телом. Айжа достаточно настрадался за последние два года: сначала погибли его родители, потом я его усыновил, и в довершение всего я перевез его из единственного знакомого ему городка Нью-Гэмпшира в Линкольн, в штат Нью-Джерси. Если я мог оградить его от умирающей рыбки хотя бы на сегодня, я это сделаю.

– Он выглядел голодным. Я вот тоже проголодался. Идем завтракать.

Подозрение не исчезло из взгляда Айжи, но он повернулся и тяжелой поступью пошел к кухне, засунув руки в карманы, ссутулившись, и его без того небольшое тело десятилетки стало выглядеть еще меньше.

– Готов к первому дню в школе?

Я подошел к раковине, чтобы сполоснуть кофейную кружку, которую использовал вчера. Может, сегодня будет тот день, когда я найду остальные чашки в какой-нибудь случайной коробке, потому что все коробки с надписью «кухня» я уже распаковал, и чашек там не оказалось. Переезд – это единственная ситуация, в которой моя уверенность в законах природы поколебалась, и я поверил во вмешательство потусторонних сил. Черная магия? Телепортация? Иначе как столько вещей могло затеряться? Кофейные кружки должны были быть в коробках с кухонной утварью. Я их сам туда положил. Но увы...

Я схватил кофейник и налил себе в чашку темно-коричневую жидкость. Мне не стоило варить столько кофе, потому что недавно я увидел новости о том, как плохо он влияет на здоровье, и пообещал себе, что в Нью-Джерси буду пить всего одну чашку в день. Я уже не мог вспомнить, на что именно влияет большое потребление кофе, но, скорее всего, оно ведет к раку и смерти. К чему, в общем-то, ведет и здоровый образ жизни. Я обернулся к Айже, поняв, что он не ответил на мой вопрос.

– Дружище?

Он аккуратно отмерил чашку рисовых хлопьев и высыпал их в миску, ровно столько, сколько он любит. Я знал, что теперь он отмерит себе ровно полчашки молока.

Когда он закончил свои скрупулезные приготовления, взял ложку.

Я попробовал еще раз:

– Айжа?

Я услышал в своем голосе отчаяние, но это потому, что я и вправду отчаялся. Даже уехав от нее за четыре штата, я все еще слышал, как она говорила мне прямо в ухо:

– Ты даже не знаешь, как разговаривать со своим собственным гребаным ребенком.

И это еще цветочки из того, что Стефани наговорила мне после развода. Пока мы были женаты, она все время попрекала меня тем, что я не улавливаю намеки, или скрытые смыслы, или значения слов и действий. Может, она и была права, но почему люди не говорят то, что имеют в виду на самом деле? Но тем вечером я четко понял смысл ее слов.

– Из тебя не очень-то хороший отец.

И я не возразил. Сложно быть хорошим отцом, когда видишь дочь только по выходным, и все это время в ее уши воткнуты белые наушники, ее пальцы двигаются со скоростью света, набирая сообщения в телефоне, невесть кому и невесть о чем. Иногда я пытался заглянуть в экран через плечо, чтобы удостовериться, что она не пишет ничего эротического – я прочел как-то об этом статью в «Вашингтон пост». Может, она так и делала, но я бы даже этого и не понял, потому что я видел только кучу заглавных букв, не имеющих для меня смысла. Это было похоже на программный код, и я загордился, что в будущем она будет HTML-программистом в Силиконовой долине.

И все же, когда мы с Элли разругались четыре месяца назад, я прекрасно уловил другой, скрытый смысл. Хоть Стефани не сказала ни слова (мне очень хотелось этим перед ней похвастаться, она бы оценила мой прогресс): это была целиком и полностью моя вина.

Мне надо было приложить больше усилий. Мне надо было проводить с ней больше времени. Мне надо было каким-то образом заставить свою четырнадцатилетнюю дочь вытащить наушники и пообщаться, банально поговорить со мной. Не используя какой-то программный код.

Может, именно поэтому я так отчаянно хотел, чтобы Айжа отвечал на каждый из моих вопросов. Я официально был его отцом уже два года (два года? Динеша нет уже так долго?), но я знал, что отношения ребенок – родитель так хрупки, подобно мыльному пузырю, и разрушить их ничего не стоит.

– Эрик?

Взгляд Айжи сфокусировался на коробке с хлопьями.

– Да, дружище? – Меня бесило нетерпение в моем голосе.

– Ты уже нашел кресло-каталку?

Я очень долго смаковал кофе, не желая начинать этот разговор прямо с раннего утра. Не желая начинать его вообще. На прошлой неделе Айжа вбил себе в голову, что он хочет на День всех святых нарядиться Профессором из «Людей Икс». До праздника было еще два месяца, но Айжа любил все планировать заранее. Я, не подумав, согласился, не понимая, что для костюма нужно кресло-каталка. Я говорил Айже, что мне кажется неуместным изображать калеку, это

будет обидно настоящим инвалидам. «Но у Профессора она есть», – заявил он тоном, не терпящим возражений. И я оставил все как есть, слишком озадаченный, чтобы спорить.

– Еще нет, – сказал я и, прежде чем он успел задать следующий вопрос, подошел и наклонился так, что наши лица оказались на одном уровне. Мы сосредоточенно посмотрели на коробку хлопьев.

– Как сегодня успехи? – спросил я.

И этот вопрос прямо противоречил указаниям терапевта, которые мне дали после смерти его родителей. «Не потакайте его иллюзиям», – сказала мне его врач противным, гнусавым голосом. Но мне показалось, что это уже чересчур. Или виной тому был препарат, который ему давали, из-за чего он был такой сонный, что спал по семнадцать часов в сутки и почти не ел, вот это было чересчур. Я перестал давать ему таблетки и больше к ним не возвращался. У Айжи было хорошее воображение. И что с того? Что в этом плохого?

Он покачал головой.

– Я не могу вызвать даже искру, не то что пламя.

– Пламя? – Я забеспокоился. – Я думал, ты просто хочешь ее сдвинуть с места взглядом.

– Нет, на этой неделе я работаю над более современными методиками, в частности, над пирокинетическим разрушением. – Он мельком посмотрел на меня. – Это значит взрывать вещи.

Ух. Я почесал щеку, выпрямился и оглядел нашу маленькую кухню. Мой взгляд упал на телефонную книгу, которая была на столике, когда мы въехали. Я тогда еще удивился, не думал, что еще существуют люди, которые используют телефонные книги. А потом стал вспоминать, куда же я записал номер того врача? Возможно, он затерялся вместе с кофейными кружками.

Пока Айжа чистил зубы и собирался в школу, я вернулся к Сквидбою. Теперь он плавал брюшком вверх. Я дал ему шанс передумать, ткнув его карандашом, но ничего не изменилось. Я вздохнул и начал чуть ли не молиться, чтобы Айжа не смотрел на аквариум до ухода. Тогда у меня было бы время сходить в зоомагазин, найти близнеца Сквидбоя и надеяться, что он не заметит подмены.

Мой мобильный завибрировал в кармане. Я оставил карандаш на полке рядом с аквариумом и вытащил телефон.

– Привет, Конни! – поздоровался я с сестрой.

Именно из-за нее я и переехал в этот тихий городок всего в восьми милях от небоскребов Манхэттена. Сам Нью-Йорк я даже не рассматривал из-за чудовищных цен на жилье и еще более жутких школ, но, скорее всего, если бы она не жила в Линкольне последние восемь лет, я бы выбрал более популярный Хобокен или Элизабет. Она говорила, что переезд сюда – это как перемещение во времени, тут тихий район с магазинчиками и отличным видом на реку. Кстати, школы и вправду хороши. Река меня не волновала, но вот со школами она меня подловила. Как и тот факт, что она была совсем близко и, если что, могла бы примчаться помочь с Айжей, если потребуется.

– Первый день в школе, – выпалила она, проигнорировав приветствие и перейдя прямо к сути, в своей адвокатской манере. Да, мои родители вырастили экономиста и юриста, и, хотя они и говорили на каждых семейных посиделках, что гордятся нами, я иногда думал, вдруг они разочарованы, какими скучными мы выросли.

– Он готов?

Я оглядел холл. Он все еще в ванной.

– Почти. Хотя, мне кажется, что у него новый потенциально опасный интерес к тому, чтобы взрывать вещи.

– А разве он есть не у всех мальчишек?

Я пытался припомнить, тянуло ли меня к взрывчатке в детстве.

– Думаю, что со мной было не так.

Она фыркнула.

– Нет уж, мне кажется, что ты как-то выбился из круга смельчаков.

– Правда? Кстати, раз уж мы об этом заговорили: как твой прыжок с парашютом в прошлые выходные? Как съездила на ферму с гремучими змеями? Многих приручила?

– Ха-ха. Очень смешно.

– Ну я просто сказал. Соринка в чужом глазу, бревно в своем – вот это вот все.

– Да, но мы говорили не обо мне.

– Нет. Мы вообще о тебе не говорим. – Я поискал свой кофе рядом с аквариумом Сквид-боя, но вспомнил, что оставил его на кухне.

– Но и не моя жизнь рухнула в тартарары.

– Ну, спасибо. Ты очень помогла.

– Ой, да не за что! А если серьезно: как ты держишься?

– Отлично, – ответил я, входя на кухню и ища взглядом чашку. Я в несколько глотков допил ее содержимое и потянулся к кофейнику за следующей порцией. Сегодня я выпью только две чашки кофе, лучше ведь бросать плохие привычки потихоньку, а не одним махом, так?

– Я вот не могу найти остальные кофейные кружки, – поделился я с Конни. И вдруг захохотал.

На мгновение мне показалось, будто исчезновение чашек было самой серьезной из проблем. Я уехал за шесть штатов от бывшей жены и дочери, которая со мной не разговаривает. Я перевез сына, который, очевидно, не очень справляется с переменами, – из единственного известного ему города, от единственных друзей, что у него были, из города, где, ради всего святого, похоронены его родители, и собрался отправить его в новую школу, где он никого не знал. А, и ему стало нравиться все взрывать!

Еще и рыбка умерла.

– Это всего на полгода, – ответила Конни, проигнорировав мой комментарий по поводу кофейных чашек. Она била не в бровь, а в глаз, как всегда. – Ты все правильно сделал.

Делать все правильно. Я всю жизнь пытался это делать, и это как ловить голыми руками скользкого лосося в ручье. Именно, чтобы *сделать все правильно*, мы со Стефани поженились сразу же после школы, когда выяснилось, что у нас будет Элли. Чтобы *сделать все правильно*, я усыновил Айжу, когда Динеш и Кейт разбились в авиакатастрофе, даже несмотря на то, что Стефани была против. Чтобы *сделать все правильно*, я позволил Элли жить с матерью после развода, хоть я и не хотел расставаться с ней ни на день.

Но переезд в Линкольн... Пусть он мне позволил работать в Нью-Йоркском офисе нашей компании, пока старший финансовый аналитик в отпуске по уходу за ребенком, пусть даже я на шаг ближе к тому, чтобы стать в компании партнером, пусть я и убедил себя в том, что это будет возможность начать все с чистого листа, это будет приключение для Айжи, я буду ближе к сестре; переезд теперь кажется эгоизмом, похожим на попытку бегства. И это все даже рядом не стояло с тем, чтобы *сделать все правильно* для кого-то кроме меня.

– Элли... – осторожно начал я, и мне тут же вспомнился ее вздернутый носик, медово-карамельные кудри, обрамляющие круглое лицо, ее кукольные глаза. Но нет. Я видел ее ребенком. А не четырнадцатилетней девушкой, с вытянутым лицом, на котором выступали острые скулы, у которой кудрей и след простыл – даже намек на их существование был уничтожен утюжком для волос. Когда она успела стать такой? Когда она успела превратиться из девочки в молодую женщину? Как я умудрился это пропустить? Я и не понял, что произнес ее имя вслух, пока не услышал, как смягчился голос Конни.

– Ох, Эрик, не думаю, что Элли интересно, где именно ты теперь живешь.

Я знал, что она права, но даже не мог объяснить, почему было так больно это слышать.

Сентябрьское утро выдалось сухим и теплым, больше похожим на жаркий август, не было ни намека на промозглый ветер, срывающий листья с веток, который обычно ассоциируется с возвращением в школу после каникул. Пока мы подъезжали к зоне высадки у начальной школы Линкольна, я прокручивал в голове все банальные клише, которые выдавал мне отец за годы учебы: покажи им, тигр, не давай им видеть твой страх, будь самим собой.

Но я не уверен, что какая-то из этих фраз подойдет. Особенно «будь самим собой». Я его любил, но все же, если честно, когда Айжа вел себя как Айжа, он мог быть немного асоциальным и высокомерным, и, что уж там, странным – и это не лучшая подборка личных качеств для того, чтобы подружиться с пятиклашками.

Мои ладони все больше потели, пока мы подъезжали к месту, где я должен был посадить Айжу. Я косился на него. Он сидел неподвижно, глаза смотрели прямо перед собой.

– Я заберу тебя сегодня, – сказал я, чтобы не сидеть в тишине, хоть мы и обсуждали это накануне. – Но со следующей недели ты будешь ездить на автобусе.

Он мне не ответил, но это потому, что терпеть не может, когда ему по сто раз объясняют одно и то же, я это точно знал.

За дорожным движением наблюдал зритель – пожилая женщина с морщинками вокруг глаз, на ее огромный живот была накинута оранжевая шаль. Она открыла дверь машины перед нами, и с заднего сиденья вылез мужчина, закидывая рюкзак за плечо. На меня напала легкая паника: должен ли я проводить Айжу внутрь? Нигде в буклетах об этом написано не было.

Мужчина захлопнул дверцу, и я удивился, где же ребенок. А потом у меня глаза на лоб вылезли, когда я увидел его лицо. Это ребенок. Огромный, просто великан, но ребенок. Это теперь так выглядели пятиклассники? Я бросил взгляд на Айжу, который выглядел еще меньше в своем сиденье. Может, еще не поздно было вывернуть руль и уехать отсюда? Возможно, мы бы проехали весь путь до Нью-Гэмпшира.

Интересно, думал ли Айжа о том же?

– Эрик? – Я слышал его тоненький голосок, и в моем сердце что-то оборвалось.

– Да, дружище?

Он посмотрел на меня огромными глазами, и я пытался изобразить уверенность (которой у меня вовсе нет) в том, что я *сделал все правильно*. В том, что у него будет отличный день. В том, что огромный пятиклассник на самом деле не гоняет детишек вроде Айжи по школьному двору, отнимая у них деньги и отвешивая оплеухи, что он окажется добряком, который разделит с Айжей его любовь к «Людям Икс».

– Можно мы заведем собаку?

– Что? – Я оторвался от мужеподобного мальчика, который пожал руку директору по дороге ко входу. Они были почти одного роста. Я вздрогнул и надеялся, что Айжа этого не заметил.

– Собака. Давай заведем?

– Что? Нет. – Я подъехал к тротуару и поставил машину на ручной тормоз. Зрительница потянулась к ручке двери со стороны Айжи, но дверь была заперта.

– Ты обещал, – сказал он, не обращая внимания на удивленный взгляд женщины.

– Когда? Разблокируй дверь.

– Ты сказал, когда рыбка умрет, мы заведем собаку. А рыбка умерла.

– Разве? – Надеюсь, в моем голосе было слышно удивление. Я нажал кнопку разблокировки дверей на приборной панели, и женщина опять дернула за ручку, но Айжа упрямо запер ее снова.

Я вымученно улыбнулся зрительнице и поднял один палец.

– Ну да. Не знаю, как ты мог этого не заметить, когда кормил его с утра.

И раз хуже уже быть не могло, я вытащил телефон и набрал сообщение Элли. Она мне уже четыре месяца не отвечала, но это не значит, что я решил сдаться.

Только что нечаянно крепко выругался на людях. Директор Айжи и бабулька, которая следит за транспортным движением у школы, в шоке. Думаю, тебя это позабавит. Люблю тебя, солнышко. Папа.

Я знал, что не нужно подписывать сообщения: Элли научила меня этому два года назад, когда заглянула мне через плечо, – я набирал сообщение, заканчивая его подписью «Эрик».

– Пааааап, – сказала она своим недавно изобретенным тоном, будто бы я – самый тупой человек на земле. – Ты же знаешь, что, когда ты отправляешь сообщение, твой телефон автоматически отображается? Все понимают, что оно от тебя.

Примерно в это же время она начала заканчивать каждое предложение, чуть повышая голос, будто бы каждая фраза каким-то неведомым образом была вопросом. Я быстро понял, слушая ее разговоры с друзьями, что это типично для речи девочек-подростков. Я даже подумал, вдруг им в средней школе раздают специальные учебники по тому, как говорить, одеваться и снисходительно относиться к родителям.

В любом случае, я не знал о том, что не нужно подписывать сообщения, и был благодарен за объяснение – даже если оно было немного унижительным.

Но я все равно продолжал подписывать свои сообщения Элли, потому что так я мог представить, как она закатывает глаза от непонятливости своего папаши. Я надеялся, что она даже будет хихикать. Еще мне нравилась мысль о том, что так я напоминал ей, кто я.

Ее отец. Даже если она не хотела со мной говорить.

Я нажал «отправить». А потом налил себе еще кружку кофе.

Завтра. Завтра я начну пить меньше кофе.

Глава третья

Джубили

Почтальон опаздывал.

Я изо всех сил пыталась не отрываться от сериала про Джека-потрошителя, но то и дело мой взгляд возвращался к часам на стене. Было тринадцать семнадцать дня. Почта приходила каждый день с двенадцати до половины первого. Я волновалась за него. За почтальона. Пусть даже я никогда с ним и не общалась. И не знаю, как его на самом деле звали. Я называла его Эрл, потому что однажды я услышала его через дверь, он приятным баритоном распевал песенку про какого-то Эрла. Может, он стал свидетелем ограбления, погнался за вором, сбил его с ног, прижал к земле, все ради того, чтобы вернуть сумочку. Эрл мог бы сделать что-то в таком духе, у него было такое вот лицо. Честное. Доброе.

А что, если случилось что-то хуже? Например, его хватил удар. Или тромб пробрался из ноги и попал прямо в сердце? Может, он лежал беспомощный, посреди улицы, под яркосиним небом, вокруг рассыпанных конвертов и посылок, будто ящик, колеблющийся на морских волнах.

И как только я начала паниковать, я услышала его. Скрип несмазанной дверцы для почты на моей двери, водопад конвертов и рекламных листовок, сыплющихся на пол.

Я вскочила с дивана, подкралась на цыпочках к двери, стараясь не поскользнуться на бумажках, что теперь покрывают пол гостиной, подбежала к глазку и увидела его спину, Эрла, увидела, как он уходит.

Я была так невероятно рада, что он жив, цел и невредим, идет в этих своих шортах, носках до колена и ботинках, похожих на обувь врачей, и с сумкой, свисающей с левого плеча на правое бедро, что какая-то часть меня захотела выбежать наружу и обнять его.

Но очевидно, что я этого не могла сделать.

Я наклонилась собрать почту и увидела их – красные штампы, кричащие с конвертов.

ПРОСРОЧЕНО

ПОСЛЕДНЕЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

ОПЛАТИТЕ

Я знала, что они придут. Конечно же, я знала. Ленни сдержал свое обещание и заплатил последний взнос по ипотеке, а также не прислал ни единого чека с тех пор, как умерла моя мать, вот уже как шесть недель назад. Я не оплатила ни одного счета, стараясь не тратить ничего из той крошечной суммы, что у меня осталась, я покупала только самое необходимое, вроде еды. Большую часть дня я проводила, пытаюсь выяснить, какую работу я могу выполнять, не выходя из дома. Я пыталась наняться онлайн-помощником, онлайн-репетитором, даже оператором колл-центра с ненормированным графиком, хоть и была не в восторге от того, что меня могли бы разбудить в три часа ночи. Но мне даже не перезванивали. Может, потому что в графе «Опыт» я писала «Нет опыта», но кому он нужен, чтобы отвечать на телефонные звонки?

И вот я смотрела на письма, сообщающие о том, что мне отключат свет, воду и даже интернет.

И как я тогда буду искать работу? Или заказывать еду? Или *жить*?

Мне нужны были деньги.

Для этого мне нужно было устроиться на работу.

Для этого мне, видимо, надо было все же выйти из дома.

При этой мысли гигантский кулак, что сжал мое сердце шесть недель назад, вернулся, и мне стало трудно дышать.

Я всегда терпеть не могла, когда люди ставят сами себе диагнозы. Я наблюдала, как моя мать годами занималась этим – и у нее «было» все от бешенства (хоть ее и никогда животные не кусали), болезни Крейтцфельда-Якоба, и до сифилиса (ну это, если поразмыслить здраво, меня хотя бы не очень-то и удивило). Но после очень тщательного поиска в Гугле, думаю, можно было смело сказать, что я страдала от тревожного расстройства, которое может оказаться частью агорафобии. А еще во время поисков я выяснила, что Эмили Дикинсон не выходила из дома практически последние пятнадцать лет своей жизни, одевалась только в белое и заставляла гостей и друзей общаться с ней через входную дверь. От этого мне стало чуть лучше. По крайней мере, я не была такой, не была *сумасшедшей*.

Чего я не понимала – почему никто не считал ироничным то, что самый первый совет при лечении агорафобии такой: *выйдите из дома* и запишитесь на прием к врачу.

Я знала, что мне нужно выйти из дома, но знать что-то и делать это – зачастую совсем разные вещи.

К счастью, Гугл меня вчера вывел на Технику эмоциональной свободы, или ТЭС, которая *использует психологическую акупрессуру для снятия эмоциональных блоков, которые, возможно, у вас есть*, если верить их веб-сайту.

Вот почему этим утром я встала у двери, аккуратно постукивая по макушке кончиками пальцев.

Потом я перешла к бровям, области вокруг глаз, области под глазами, подбородку, ключице, подмышкам, запястьям.

Я смотрела на бумажку, которую вчера распечатала. Блин. Я забыла постучать под носом, прежде чем перейти к подбородку. Я начала все с начала, постукивая по всем необходимым частям тела, а потом снова заглянула в инструкцию.

Во время похлопывания произнесите вслух эту фразу (заполнив пропуск): Даже несмотря на то, что у меня _____, я целиком и полностью принимаю себя.

Во время?! Да я уже дважды себя обхлопала. И делать это все в третий раз я не хотела. Я скомкала бумажку и в гневе бросила. Она упала на пол с противно легким звуком. Так что я наступила на нее, сминая ее еще больше ногой. А потом посмотрела на стеклянную вставку во входной двери. Было облачно, и мир приобрел сероватый оттенок, будто бы облака наполнили воздух кусочками самих себя, накинув на город потрепанный шерстяной свитер.

Была суббота. То есть я точно не могла столкнуться с мусоровозом, и это самую малость уменьшило хватку гигантского кулака, сжимающего мою грудь. Но что, если сосед мог выйти за газетой? Или с собакой погулять? Или Эрл пришел бы раньше обычного?

Кулак снова сжался. Может, я была такой же сумасшедшей, как Эмили Дикинсон. Глубокий вдох. Я осознала, мне придется выйти из дома. Мне нужна работа. Еще один раз глубоко вдохнула, потрясла руками и снова начала постукивать по макушке средними пальцами.

– Даже несмотря на то, что я боюсь говорить с мусорщиком, я целиком и полностью принимаю себя, – шептала я.

Затем брови.

– Даже несмотря на то, что я не хочу столкнуться с кем-то из соседей, я целиком и полностью принимаю себя.

Я повторила фразу, на этот раз не забыв постучать под носом, и спустилась к запястьям.

А потом я открыла дверь и вышла на крыльцо.

Застыла и обернула голову, просматривая улицу справа налево. Соседей не было. Никаких собак на поводках. Почтальона тоже.

И тем не менее сердце у меня колотилось в уже знакомом бешеном темпе.

А затем огромная дождевая капля упала с неба прямо на мою голову. И судя по сгущающимся облакам, это было только начало. Я не взяла с собой зонтик. Я так и не убрала руку с дверной ручки, так что было очень просто повернуть ее, толкнуть дверь внутрь и вернуться в сухой кокон моего дома. Я вспомнила, как приятно шелкает замок, когда я закрываю дверь.

Я одновременно почувствовала себя побежденной и освобожденной. И потом я поняла, что проиграла как раз из-за чувства облегчения.

– Я завтра пойду, – сказала я громко, вспоминая о моем учителе математики из шестого класса, мистере Уолкотте, у которого было множество коронных фразочек, которыми он бесил нас, например «слово не воробей, вылетит – не поймаетшь». Но даже тогда я знала, что это ложь.

Я не верила в ауру, энергетику или тому подобную чушь, а значит, я считала ТЭС полной фигней. Так что я не могла объяснить, почему взялась повторять этот ритуал на следующее утро, и повторяла его каждое утро впоследствии. И все же дальше своего крыльца я не выбиралась.

В пятницу, поедая яйца и тосты, я решила, что день настал. Я сяду в машину и уеду из дома. Ну, если вспомню как. Я получила права всего за год до отъезда матери, и опыта у меня было маловато. Я чаще во что-то врезалась, чем доезжала спокойно: мусорный контейнер, бордюр. Однажды я задавила птичку и в зеркало заднего вида увидела, как вторая птичка порхнула вниз, вереща от ужаса, увидев смерть близкого. После этого я две недели не садилась за руль, и до сих пор, если я закрою глаза и сосредоточусь, я могу услышать это чириканье.

После завтрака я оделась и медленно спустилась по ступеням, оттягивая неизбежное. Уже внизу я несколько раз простучала запястья, взяла сумку, надела перчатки и вышла на свежий октябрьский воздух.

Когда мы только переехали в Нью-Джерси, мама отвезла меня на Манхэттен, на прием к самому известному и именитому аллергологу, доктору Мэй Чен. Я до этого никогда не бывала в большом городе, и, когда она высадила меня у входа в здание, я задрала голову, высоко-высоко, ища то место, где кирпич стены переходит в синеву неба. Но прежде чем я его увидела, мне показалось, будто бы тротуар уплывает из-под ног, меня зашатало, желудок, казалось, упал в самые пятки. Мне пришлось отвернуться.

И то же самое я чувствую в этот миг, будто бы мир слишком велик. Будто бы у окружающего меня пространства нет границ, как у той кирпичной стены. Голова закружилась – в глазах все поплыло, стук сердца отдавался эхом в ушах, ладони взмокли и стали липкими.

Я схватилась за железный поручень, чтобы удержать равновесие. Проглотила ком в горле, надеясь, что зрение обретет четкость, голова перестанет кружиться, руки прекратят трястись. Они меня не слушались. Было такое чувство, будто я вот-вот отключусь. И что тогда? Я не только буду снаружи, я буду без сознания, буду уязвимой. Я буду Гулливером, а соседские дети будут маленькие, как липипуты, будут хватать меня своими крошечными пальчиками, а я буду не в силах их остановить.

Сердце забило пуще прежнего, но я отказалась сдаваться.

Я спустилась на верхнюю ступеньку и набрала полную грудь воздуха. А потом начала постукивать. Я сконцентрировалась на том, как монотонно барабанят мои пальцы, и в конце концов пульс замедлился, зрение стало четче.

Я посмотрела по сторонам, проверяя, нет ли мусорщика, соседей с собаками или детей на велосипедах. Никого. И тут я поняла, что меня это удивляет. Ну то есть я не ожидала парада или чего-то в этом роде, но это же такое знаменательное событие. Думаю, я по меньшей мере ждала, как у нескольких соседей отпадет челюсть, как они будут пялиться на меня, не веря глазам, сжимая грабли, и в головах у них мысли от: «вот и она, она *все еще* тут живет» и до: «я думал, она умерла». Но я тут одна. Может, я не Страшила Рэдли. Может, обо мне вообще никто не думал.

Я встала на трясущиеся ноги, крепко сжала ремешок сумки и начала искать на подъездной дорожке мамин «Понтиак». Я так ярко увидела ее за рулем, что пришлось дважды проверить, что ее там нет.

Я кивнула, каким-то образом заставив себя спуститься по трем ступенькам, а потом пошла напрямик к машине. Гравий шуршал под ногами, и я сосредоточилась только на этом звуке, пока мои бедра не коснулись переднего бампера. Прикосновение принесло мне небольшое облегчение. Я сделала это. До машины добралась, по крайней мере.

Юбка моей матери, которую я надела, протирала металл бампера с каждым моим шагом к другой стороне машины. Пятна грязи и ржавчины остались на бежевой ткани, но мне было все равно. Я просто хотела сесть в машину.

И я села. Закрыла дверь с глухим звуком и отклонилась на обитое тканью сиденье, покрытое пятнами от кока-колы и прожженное сигаретами – моя мать так и не бросила курить, хотя и сказала тому репортеру из «Таймс». Раньше меня это бесило, а теперь я находила успокоение в этих знакомых деталях. И в том, что теперь коробка из металла отделяла меня от остального мира. Я выдохнула.

А затем, все еще трясущимися руками, я вставила ключ в замок зажигания и повернула его.

Ничего не произошло.

Попробовала еще раз.

Двигатель зачихал, но не завелся. Подалась вперед и проверила уровень топлива. Маленькая стрелочка показала ниже красной буквы «Е». Я подумала, что это меньшая из проблем у машины, которая столько простояла на месте, но на этом мои познания в машинах заканчиваются. Если она не едет – добавь топливо. Я вытащила ключ, выскользнула из машины и пошуршала по гравию обратно к дому. Перескакивая через ступеньку, открыла дверь и вошла внутрь. Я была уверена, мне стоит погуглить решение. Про машину. Выяснить, что с ней не так, как это исправить, как я сделала это, когда в верхней ванной комнате потек унитаз. Но тут я решила, что надо начать с бензина, а потом уже разбираться дальше. Завтра. Я вышла из костюма матери, натянула на себя штаны и толстовку и свернулась в кресле с потрепанным экземпляром романа «Вдали от обезумевшей толпы».

Из всех мужчин моей матери самые короткие отношения у нее были с триатлетом, который всегда носил шорты из спандекса, даже когда не тренировался. У него было какое-то британское имя, хоть он и не был британцем; что-то вроде Барнаби или Бенедикт. Учитывая, что единственное сходство, которое у них было с моей матерью, – это любимая длина шорт, их отношения не могли продлиться дольше нескольких недель. И закончились еще до того, как она успела опробовать велосипед, который он ей подарил. Она пыталась вернуть его в магазин, но они не приняли его без чека, так что она засунула его в сарай за домом, где он до сих пор и был.

В субботу я пошла в сарай, надеясь на то, что велосипеда там уже нет, хоть я и понимала, как глупо рассчитывать на то, что он просто растворился в воздухе. Но вот он, стоял на месте, рядом с металлическим ящиком для инструментов и полупустым мешком с землей с того первого и последнего раза, когда мама решила, что стоит попробовать себя в садоводстве.

После того как я убрала всю паутину с руля и спиц, подкачала шины насосом, что висел на раме, я выкатила его из сарая на подъездную дорожку. Я пыталась не обращать внимания на уже ожидаемые сигналы, которые подает мне тело: колотящееся сердце, потеющие ладони, нечеткое зрение.

Идея первична, материя вторична.

Идея первична, материя вторична.

Идея первична, материя вторична.

Но, видимо, моя идея не настолько сильнее материи. Целых сорок пять минут у меня ушло на то, чтобы решиться и сдаться, пройти мимо «Понтиака» и наконец добраться до улицы. Я посмотрела в обе стороны, и мое сердце ушло в пятки, когда я увидела женщину через несколько домов, она поднимала газету у себя во дворе. Я подавила порыв бросить велосипед и бежать. Вместо этого я стояла и смотрела, как она стиснула газету под мышкой. А потом она подняла голову, посмотрела прямо на меня и помахала. Я была слишком ошарашена, чтобы сдвинуться с места. Девять лет я ни с кем не общалась. Лично, во всяком случае.

Звучит жалко, но это не значит, что у меня не было друзей. Интернет полон людей, которые только и хотят что поболтать. И в те многие ночи, когда я не могла уснуть, я их находила. Разумеется, некоторые из них были странными, как тот полицейский из Каньон-сити, Орегон, который казался милым, пока наше с ним общение быстро не переключилось на то, как он любит садомазохизм, и пока он не попросил найти щетку для волос, чтобы себя отшлепать (я не стала этого делать). А потом была женщина из Нидерландов, которая говорила на семнадцати языках и научила меня ругаться на всех них. Мое любимое ругательство было на болгарском: «*Kon da ti go natrese*», что значило примерно «Да едрись оно конем».

Но болтать онлайн или даже по телефону не то же самое, что личная беседа. И я задумалась, а не совсем ли я отвыкла? Куда смотреть при разговоре? Что делать с руками? К счастью, женщина не ждала ответа, а просто повернулась и ушла в дом, будто бы сейчас самый обычный день, а я – самая обычная соседка. Я перевела дух. А потом поправила ремень сумки, висящей через плечо, устроилась на сиденье, оттолкнулась от земли и завихляла по тротуару.

Кто бы ни сказал «это как ездить на велосипеде», имея в виду то, что если ты этому один раз научился, то уже никогда не разучишься, он полный идиот. Я еще ребенком научилась ездить на велосипеде, и теперешняя ситуация не имела ничего общего с тем опытом. Для начала, тут какие-то шестерни. И я понятия не имела, что с ними надо делать. Пока я пялилась на металлические рычажки, ко мне сзади подъехала машина. И даже несмотря на то, что я еле плелась – педали еле нажимались, будто в густом клею намазаны – я запаниковала и дернула тормоз, случайно задела руль и упала с велосипеда через куст под чей-то почтовый ящик.

Машина в это время ехала мимо, и я застыла, умоляя, чтобы она уже скорее проехала. Пожалуйста, не будь добрым самаритянином, который захочет проверить, в порядке ли я. Водитель им и не оказался. Я дождалась, пока машина завернет за угол, выдохнула, встала, взяла велосипед, поправила сумку и снова села в седло. Через несколько попыток я уже могла удерживать равновесие, а случайное переключение какого-то из рычажков волшебным образом сделало педали легче. Я доехала до конца улицы. У знака «стоп» я повернула налево на Пламквест, а потом выехала из квартала и осторожно поплелась по узкой обочине.

Мимо проносились машины, усталость заполняла легкие, и мне казалось, будто на меня все смотрят, словно я забыла надеть штаны. Я крепче сжала руль, мои плечи – стальной канат напряжения. Я ехала к магазину, что был рядом с аптекой, и боялась, вдруг окажется, что его тут уже нет. Да и как бы я узнала, что он закрылся? Или переехал? Или сгорел дотла? Сердце билось все сильнее, пока я не повернула и не заметила знакомую вывеску с красным курсивом.

Выдохнув, я направила велосипед ко входу в магазин и аккуратно слезла с сиденья. Пах и бедра взмокли от короткой поездки, ноги затряслись. Я это сделала. Я вышла из дома днем. И я на бензоколонке. Я закрыла глаза и вдохнула крепкий, ядовитый запах.

Но что теперь? Я смотрела на стеклянную дверь, где геральды-колокольчики возвещали об уходе мужчины в зеленой кепке и фланелевой рубашке. Он смотрел на меня, я отвернулась. Когда он ушел, я поставила велосипед в стойку у двери и вошла внутрь. Слонялась туда-сюда между прилавков, пока не заметила красную пластиковую канистру и не отнесла ее на кассу, поставив ее перед женщиной с жутким прикусом и очками в оправе «кошачий глаз». Она на меня не обратила внимания, просто схватила канистру за ручку и отсканировала штрих-код.

– Вы хотите ее наполнить?

Ее голос ввел меня в ступор. И, как я и боялась, я паниковала – я не знала, куда смотреть и что делать с руками. Я услышала голос матери в голове. *Просто улыбайся. Почему тебе надо быть такой, черт подери, серьезной все время?* И я так и сделала. Я натянула на лицо широченную улыбку, обнажая зубы женщине, что все еще ждала моего ответа.

Она наградила меня взглядом, который, уверена, она приберегла для идиотов, мое лицо запыхало.

– Вы хотите, чтобы я взяла с вас денег за то, что наполнил бензином эту канистру? – медленно говорила она. – Или вы просто покупаете канистру?

– А. Да. И бензин тоже. – Я перестала улыбаться.

Она кивнула и нажала несколько кнопок на кассовом аппарате.

– Двадцать один семьдесят три, – подсчитала она.

Я полезла в сумочку и извлекла двадцатидолларовую купюру, которая еще со школы там валялась – мне почти десять лет ни к чему были наличные. Но этого было недостаточно. Я кинула ее обратно и взялась за дебетовую карту, пытаясь не думать о том, как уменьшится сумма на ней. Я протянула карту, и, даже если кассирша заметила перчатки или ей кажется странным носить их, она ничего не сказала. Просто провела картой по терминалу и отдала ее мне. Я быстро развернулась, опустила голову и почти ушла.

– Ваша канистра! – гаркнула она мне вслед.

А, точно. Я взяла канистру через ткань перчатки и пошла к колонкам.

«Я это сделала, – подумала я. – Я вышла из дома. Даже с кем-то поговорила. И теперь я получу бензин. Как обычный человек».

Но ровно в тот момент, когда я уже было расслабилась и поздравила себя со всеми этими достижениями, я услышала свое имя:

– Джубили?

Все мое тело снова резко сжалось. Но это звучало будто бы издали, и я решила, что мне показалось. Может, усталость от велосипеда, да и весь день в целом, затуманили мой разум.

– Джубили?

На этот раз я услышала голос так же четко, как колокольчики на двери магазинчика, но осталась неподвижной, надеясь, что стану невидимой или зовущий меня человек решит, что он обознался, принял меня за кого-то другого.

– Джубили! – На этот раз это уже утверждение, констатация факта.

Я медленно повернула голову на голос, внутри будто куча болтов, которые закручивают слишком сильно.

Мой взгляд был прикован ко рту, произнесшему мое имя. И этот рот я узнаю где угодно. В школе я так часто на него засматривалась, что думала, уж не лесбиянка ли я в глубине души. Но в конце концов я поняла, что это не моя вина. Она знала, как привлечь к нему внимание. Постоянно облизывала губы, будто бы все время искала крошку чего-то в уголке рта и не могла до нее дотянуться. Я часами торчала у зеркала, пытаясь облизываться так же, но почему-то всегда была похожа на верблюда, которому язык велик.

И теперь ее губы сложились в широкую улыбку, такую широкую, что я даже испугалась, что они треснут, но их крепко держал толстый слой глянцевого блеска.

Волосы ее, которые раньше спадали блестящей волной до лопаток, теперь чуть завивались у подбородка, но в целом она ничуть не изменилась.

Мэдисон Х. В нашем классе было три Мэдисон, так что мы их различали по первой букве фамилии, но только имя Мэдисон Х. что-то значило.

Она кивнула, и я поняла, что произнесла ее имя вслух.

– Джубили Дженкинс, – произнесла она, так и не перестав улыбаться. Теперь она на расстоянии вытянутой руки, и я инстинктивно сжала пистолет колонки крепче.

Я увидела, как она меня осматривает: черные тренировочные штаны, перчатки, канистра, которую я прижимаю к боку будто бы громоздкую сумку, – и мне снова шестнадцать, и я отчаянно хочу быть хоть чуть похожей на нее.

– Я слышала, что ты... эммм... переехала. – Глаза ее спустились вниз и влево.

Интересно, какие были слухи на самом деле. Что я умерла, уехала с бродячим цирком, вступила в сверхсекретную правительственную исследовательскую программу? Когда мы переехали в Джерси и я поступила в школу в Линкольне, единственной радостью было то, что я могу начать все сначала – быть кем-то новым. Кроме руководства школы и медсестры, с которыми мы встретились еще до начала учебного года, мне никому не нужно было говорить о моем состоянии. Я и не говорила. И, насколько я могла судить, учителя сохранили мой секрет. Но и это не остановило взгляды, шепотки и слухи в школьных коридорах и на уроках.

– Нет, – выдавила я из себя. Голос слабый, неуверенный, и он смущает меня не меньше моего внешнего вида.

Она уставилась на меня, будто бы ждала продолжения, объяснения того, чем я занималась последние девять лет, и та же паника, что и у кассы, снова подкралась ко мне. Куда смотреть? Что надо делать, если все молчат? Что, если я засмеюсь чему-то вовсе не смешному?

– А я вот в разводе. – Она хихикнула, будто бы только что рассказала банальный анекдот. – Пытаюсь вернуться на рынок свиданий, но с тремя детьми это не так просто.

Глаза полезли на лоб сами собой, хоть я и пыталась сдержаться. Идеальная, красивая, популярная Мэдисон Х., которую все считали будущей телезвездой, ну или что она хотя бы выйдет за него замуж, стала разведенкой с тремя детьми?!

Смотри-ка, все стало на свои места, слышу я в голове голос матери. Я не думала, что я настолько ехидная, чтобы радоваться чужим падениям, даже если это происходит с Мэдисон Х.

– Мне жаль. По поводу твоего, кгхм... – Я надеялась, что голос обретет былую громкость, станет увереннее, нормальнее. – Развода. – Нет, не стал.

Она замахала на меня рукой.

– Ой, да все в порядке. Все эти школьные любви не могут длиться вечно. Надо было слушать Нану, когда она предупреждала.

Школьные любви?!

– То есть... Ты хочешь сказать... Ты была замужем за... – Я пыталась найти язык во рту и заставить его произнести имя, но у меня не было слов в самом прямом смысле слова. Я не могла говорить. Во всяком случае произнести его имя.

– За Донованом, ага.

Она произносила это так легко, так обыкновенно, будто бы говорила о чем-то неважном, вроде того, что у нее на завтрак были мюсли.

Я попыталась повторить имя, вдруг и у меня так же легко получится. Вдруг оно просто соскользнет с языка.

Нет, этого не происходит.

– Ты не знала? – Она наклонила голову. – Тебя нет на Фейсбуке?

Я замотала головой, надеясь, что я оставляю лучшее впечатление, чем моя страничка в соцсети. Я была там зарегистрирована аж целых три недели, и за это время ко мне в друзья добавился единственный мужчина, информация в профиле у которого была не на английском. Может, это был русский, я не уверена – не сильна в славянских языках. Короче, я удалила страничку.

– Ну, что же. – Она так и бегала по мне взглядом, на перчатках он задержался на секунду дольше, так, что я опять начала переживать из-за своей внешности. – А ты куда собралась?

Я прокашлялась, пока разум лихорадочно подбирал ответ.

– У меня бензин закончился. И мне еще понадобилось. – Боже, какая тупость. Конечно, он мне нужен, раз он кончился. – А вообще... я... работу ищу.

– Иди ты! – Она взмахнула рукой так, будто сейчас ткнет мне в руку своим пальцем с красным лаком, но в последнюю минуту остановилась. Я все равно отшатнулась. Неловко вышло.

– Прости! – сказала она. – Просто у нас в библиотеке ушел ассистент, и я подумала, вдруг тебе такое интересно.

В библиотеке?! Мэдисон Х. – библиотекарьша? Яркое воспоминание всплыло у меня в мозгу – Мэдисон Х. в первый год жалуется, что «Гекльберри Финн» – очень сложная книга, что они пишут на каком-то своем английском.

– То есть ты работаешь... в библиотеке?

– Боже, конечно нет. Я работаю с недвижимостью, ну, то есть я только что получила лицензию риелтора. Но пока я помогаю в библиотеке. Донован думал, что для меня это будет полезно, раз уж он следующий в очереди на пост президента банка, когда его отец уйдет на пенсию. Но сейчас это все неважно, – она опять хихикнула, – все хорошо. Это ценный опыт.

Я кивнула, имя «Донован» все еще что-то во мне затрагивало, вызывая вибрации по всему телу. И вот, когда я уже почти забыла об этом имени, вуаля – появляется Мэдисон Х.

– Джубили?

Я моргнула. Ее голос звучал тихо, будто издалека.

– А? – Я пыталась не смотреть ей в глаза. Унижение такое сильное, такое мощное, что я хотела бросить велосипед, сумку, канистру, прямо тут, у стеклянной магазинной двери, и стремглав убежать домой.

– Что это ты такое пальцами делаешь?

Я опустила взгляд и увидела, что пальцы правой руки методично постукивали по запястью левой, стискивающей ручку канистры. Интересно, давно ли я так делала?

– Ничего такого. – Жар подкатил к щекам. Я пыталась покачать головой, стряхнуть прошлое. – Э-м-м-м, у меня с собой нет резюме. Можно я тебе его потом пришлю? Ну, для всей этой штуки с библиотекой?

Ее глаза просияли.

– Так тебе интересно? Отлично. Не волнуйся о резюме. – Она вытащила из сумки, висевшей на плече, мобильный. – Просто дай мне свой номер, и я замолвлю за тебя словечко. Уверена, они тебе перезвонят.

Я снова кивнула и назвала цифры своего домашнего телефона.

– Отлично. Ну что же, была рада тебя уви...

– Зачем ты это все делаешь? – Я знаю, что перебивать невежливо, но вопрос пламенем жег мое нутро, и я была вынуждена его задать.

Она пожала плечами, будто бы не понимая о чем, но глаза забежали, выдавая ее с головой.

– Это удивительное совпадение. Ты ищешь работу, а я знаю место, где нужен человек.

Но мы обе знали, что тут нечто большее. Если бы можно было забраться к нам в головы и прочесть мысли, уверена, стало бы очевидно, что мы думали об одном и том же моменте, об одном и том же школьном дворе. Я изо всех сил пыталась, но не могла об этом забыть – о моменте, когда Донован поцеловал меня. Я думала, что мы с ним одни, пока толпа ребят не вышла из-за угла, толкая друг друга, и смеясь, и протягивая Доновану деньги – свою проигранную ставку. Мэдисон была с ними, хоть я и не помню ее смеха. Ее лицо вытянулось, посерьезнело, и это было последним, что я увидела, прежде чем отключилась. Я всегда думала о том, была ли она там, чтобы посмеяться надо мной, как и остальные? Зачем она вообще там была?

Глава четвертая

Эрик

За год до развода мы со Стефани пошли на консультацию к ее духовнику. Это была не моя идея. Когда она предложила, я недоумевал: чем он сможет нам помочь, если он никогда даже не был женат. Но, как и во многих других наших спорах, я проиграл. На одном из сеансов она пожаловалась, что во мне слишком много негатива.

– Я просто реалист. – И тем не менее я жаждал спасти наш брак, и я принял совет отца Джо – пытаться искать во всем и хорошее.

И я поймал себя на том, что пытался делать это даже сидя напротив школьного психолога и директора новой школы Айжи. Целых шесть недель Айжа ходил в школу без проблем. Так-то он никогда не безобразничал. Или по крайней мере не со зла. Но школы так серьезно ко всему этому сейчас относятся.

– Вы слышали нас, мистер Киган? – спросила психолог. Она представилась, когда я вошел, но я уже не помнил ее имени. Оно было похоже на название шоколадного батончика. Херши? – Айжа угрожал, что взорвет его. Мы тут очень серьезно относимся к таким словам.

Я кивнул и потер рукой лицо. В сентябре я понял, что пить меньше кофе, когда перешел на новую работу, – это плохая идея, и пообещал себе, что я еще раз попробую, но уже в октябре. Вот почему этим утром (да-да, с начала месяца прошло уже две недели, но технически-то это все еще октябрь) я одним махом бросил эту вредную привычку. И теперь где-то за глазами начала маячить чудовищная головная боль. И решение мое уже не казалось таким уж правильным.

– Да, меня это тоже настораживает, – согласился я. – Но я не думаю, что он *на самом деле* кому-то угрожал. Он вообще не слишком-то грозный. Сами на него посмотрите.

Айжа сидел в кресле рядом со мной, костлявые плечи поникли, он болтал ногами, потому что не доставал ими до пола. В ушах – наушники, он уткнулся в свой планшет, с бешеной скоростью пальцы стучали по экрану, но вот на лице его было, скажем так, не самое *дружелюбное* выражение. Я вынул один из треклятых наушников, и он поднял глаза на меня.

– Айжа, ты угрожал взорвать кого-нибудь?

Его огромные глаза стали еще больше. Он покачал головой.

Вставил наушник обратно, еле подавил порыв осмеять школьного психолога.

– Я угрожал взорвать его сумку. – Айжа не в силах был контролировать уровень громкости своего голоса, потому что его оглушала видеоигра. И он снова возвращался к планшету.

– Что?!

Директор и миссис Херши смотрели на меня теперь уже не только озабоченно, но и само-довольно. На экране у Айжи что-то взорвалось.

– В точку! – вскрикнул мальчик.

Надеюсь, они не видят, во что он играет.

Он встрепенулся, будто бы только что понял, зачем мы здесь находились.

– Впрочем, это не сработало, – сказал он и вернулся к игре.

– Очевидно, что он шутит. – Я уставился на Айжу. – У него с собой нет взрывчатки, так ведь?

Я был уверен, что нет, но все же сделал паузу на всякий случай.

Директор легонько покачал головой, и на меня накатило облегчение.

– Итак, как он вообще мог что-то взорвать?

– Мистер Киган, мы относимся предельно серьезно к каждой угрозе, – ответил директор.

– Ну, какая же это угроза, если у него нет необходимых материалов для ее исполнения. И, кстати, что там со вторым парнем? – Я показал большим пальцем на огромного пятиклассника, который сидел по ту сторону стеклянного кабинета. – Он не только *угрожал* Айже, но и нападал на него!

– Да, мы уже разбираемся с Джаггером. Но прямо сейчас мы говорим об Айже, – ответила миссис Херши.

– Джаггер? Его на самом деле зовут Джаггер?

Она не обратила на меня внимания.

– Имея в виду *прошлого* Айжи, я боюсь, мы вынуждены принять некоторые меры предосторожности.

– Его прошлое?!

Началось.

Она опустила взгляд на верхний лист, лежащий в желтой папке, что держала в руках.

– Да. – Она перевела взгляд на Айжу. – Айжа, ты не мог бы выйти из комнаты на минутку?

Айжа ее не слышал. Я тихонько похлопал его по руке, и он вытащил наушник.

– Айжа, выйди в коридор. Я приду через минутку.

Он поставил игру на паузу, встал и вышел.

– И держись подальше от этого Джаггера! – крикнул я ему вслед.

Дверь закрылась, и я снова посмотрел на миссис Херши.

– Нас особенно беспокоит шизотипическое расстройство личности.

Я закатил глаза.

– Официально ему никогда не ставили этот диагноз. Его вообще не должно быть в этих записях.

Директор, который и пары слов за эту встречу не сказал, кашлянул. Я посмотрел на него, ожидая, что тот вмешается, но он молчит.

– Слушайте, у него нет симптомов для этого, этого... *расстройства*. Как и расстройства аутического спектра, или маний величия, или любого другого ярлыка, которые на него всю недолгую жизнь пытаются навесить такие, как вы! Он просто ребенок! Обычный ребенок.

Ладно, если честно, я знал, что Айжа не обычный ребенок. Но вот правда, а кто обычный? Джаггер явно не типичный пятиклассник. И я не собирался опять тащить Айжу к какому-нибудь психиатру, чтобы его пичкали таблетками до беспамятства. Голова дико раскалывалась, и я массировал виски двумя пальцами. Им стоило бы предлагать кофе на таких встречах.

– Давайте все немножко успокоимся, – прозвучал глубокий баритон директора.

– Мы просто дадим всем несколько дней отдохнуть.

– Вы его отстраняете от занятий, так ведь?

Черт побери. Несмотря на то, что я работал уже пять недель, я все еще был новичком, который старался давать пример команде. Кроме того, работы у меня было выше крыши.

Я никак не смог бы взять отгул.

– Мы думаем, так будет лучше для всех.

– Каким образом отстранение от школы будет лучшим решением для Айжи?

Он продолжил так, будто я ничего и не говорил.

– А потом мы сможем обсудить поиск наиболее подходящего плана обучения для мальчика. Может, ему лучше будет учиться в других условиях.

– Если вы говорите о каком-то отдельном обучении, можете забыть об этом. Айжа – один из самых умных детей в вашей школе. Да черт побери, пять минут назад он был самым умным человеком в этой комнате. Это факт. – Я кивнул головой в сторону папки, которую все еще сжимал в руках психолог. – Можете сами посмотреть.

Я встал и вышел, даже не попрощавшись. Дверь хлопнула за моей спиной. Айжа сидел на стуле напротив Джаггера. Я какое-то время разглядывал этого гигантского ребенка, а потом хлопнул сына по плечу:

– Вставай. Мы уходим.

Пока мы шли к машине, я почти слышал, как Динеш говорил мне на ухо:

– Отлично сделано, дружище! Вздрючь их всех. Давай пропустим по кружечке.

Нет, так бы он сказал, если бы я рассказывал о раздражающем меня коллеге или о Стефани в самый разгар нашего развода, но не про руководство школы его сына. Динеш сам бы так никогда не сделал. Он очаровал бы их своим почти незаметным британским акцентом и сгладил бы ситуацию быстрее, чем я успел сесть на стул.

Я не знаю, почему он хотел, чтобы я был опекуном Айжи. Ну, то есть единственная логичная причина – это то, что я жил рядом. Родители его жены, Кейт, с которыми она совсем не была близка, все еще жили в Ливерпуле, а Динеш и Кейт хотели, чтобы Айжа рос в Америке. А родители Динеша не позволили современному огромному городу Лондону изменить их веру в то, что их сын должен жениться на индианке, которую они выберут. Они перестали общаться вскоре после того, как он объявил о своей помолвке с Кейт.

Мы с Динешем познакомились в колледже, когда оказались в классе по изучению управления бизнесом, нас поставили работать вместе над одним проектом. Я уже был женат на Стефани, и меня потрясло, как и многих других, его беспечное отношение к жизни. Может, я ему завидовал. Но также меня быстро стала раздражать его манера спорить по поводу всего, что касалось нашего проекта. Мы ругались по поводу стратегии продвижения бренда несуществующей компании, которая делала готовые завтраки, мы руководили ей вместе, и, когда я уже думал, что вот-вот взорвусь от злости на его иррациональность, он рассмеялся, потрепал меня по плечу и сказал:

– Ты выиграл, друг. Пойдем пропустим по кружечке.

Для него все это было игрой. Спорить. Быть адвокатом дьявола. Сталкивать людей лбами, а потом так же легко их мирить. И пиво было решением в любой ситуации.

Четыре года спустя, сидя за очередной кружкой, он рассказал мне, что Кейт беременна, и шутил, что, раз я был шафером на свадьбе, я теперь вынужден буду стать крестным отцом его будущего сына, и если что-то случится с Динешем, я буду заботиться о ребенке. Мы чокнулись кружками, и я тут же забыл обо всем. Да что вообще могло с ним случиться, думал я? Он был неуязвим.

Совсем нет, как оказалось потом.

– Что у нас будет на ужин? – спросил Айжа, когда мы сели в машину. На секунду, могу поклясться, я услышал не его голос, а Динеша. У Айжи был только совсем легкий оттенок, маленькая часть наследия отца, которая всегда с ним, как монетка в кармане. А еще он иногда вставлял в свою речь словечки вроде «практически» или «непосредственно», из-за чего он кажется еще старше.

– Ужин? Какой еще ужин, Айжа? Ты влип по самые уши.

– Почему? Я же ничего не сделал.

– В смысле «ничего не сделал»? Ты хотел кого-то взорвать!

– Не кого-то, а школьную сумку.

– Ладно, сумку. Но так нельзя, Айжа. Тебя отстранили на три дня, а мне нужно на работу. Тебе нужно прекратить заниматься всем этим телекинезом со взрывами.

– Разрушением.

– Хорошо, разрушением. В любом случае, это надо прекратить.

Вместо того чтобы кивнуть, он просто уставился на меня.

– Но у меня же не получилось.

– Это не важно. Тебе нельзя об этом говорить. Это как в аэропорту. Нельзя говорить слово «бомба».

Я задним ходом выехал с парковки.

– А почему?

– Потому что бомбы опасны. – Я нажал на тормоз и повернулся к нему. – Они могут поранить людей. Много людей. И когда ты говоришь об этом или произносишь это слово – особенно в аэропорту, – люди пугаются и думают, что ты хочешь им навредить.

– Я не пытался никому навредить.

Я кивнул и потер подбородок.

– Я знаю. Я знаю, дружище. Просто тебе нельзя об этом говорить, только и всего.

Я нажал на педаль газа. Несколько минут мы ехали в тишине, а потом Айжа спрашивает:

– А что, если я говорю о видеоигре?

– Нет! Айжа, нет. Тебе нельзя говорить о взрывах. Это правило. Так надо. Точка. Понял?

– Угу. – Он смотрит прямо, на бардачок.

С этим, кажется, разобрались, осталось подумать, что делать, когда доберемся домой. Для начала я бы позвонил Конни и спросил, может ли она взять отгулы и посидеть с Айжей, пока я на работе. Да, это громадная просьба, но я не знал, что еще мне делать.

Когда мы подъезжали к дому, я заметил, что Айжа все еще смотрел на бардачок.

– Айжа?

Он не ответил.

– Айжа, мы дома.

Он не пошевелился.

– Айжа! Что ты делаешь?

Он повернулся ко мне и тихим голосом произнес:

– Мне нельзя об этом говорить.

– О боже, ты что, пытаешься взорвать машину?

– Нет. Только бардачок.

– Нет! Больше никакого телекинеза со взрыванием! Хватит!

– Разрушением, не взрывами.

– Да какая разница! Тебе придется вернуться к тому, чтобы просто *двигать* вещи силой мысли. Хорошо?

Тишина.

– Айжа?

– А можно мы все-таки заведем собаку?

Глава пятая

Джубили

Как я и подозревала, проблема «понтиака» была вовсе не в закончившемся бензине. Даже после того, как я залила в бак несколько галлонов, он все еще не заводился, так что я решила в свой первый рабочий день поехать в библиотеку на велосипеде. И когда я наконец привыкла к проносщимся мимо машинам и мысли о том, что могу умереть в любую секунду, мне начало даже нравиться. Ветер. Чувство свободы.

Через мост над рекой Пассаик я ехала в сторону пригорода, меня завораживали блики света на воде. Еще несколько кварталов – и я у библиотеки. В нескольких домах от главной улицы стояла библиотека города Линкольн – маленькое кирпичное здание, зажатое между банком и старым домом, в котором открылся спа-салон. Я слезла с велосипеда и поставила его на стойку, потом защелкнула замок, купленный в интернет-магазине, продев его через спицы и опоры стойки. Выпрямилась, расправила юбку, подтянула перчатки. И начала паниковать.

Я полностью простукала себя, от макушки и до запястий, сделала глубокий вдох и поднялась на тротуар к единственной стеклянной двери с черными буквами, которые сообщали о часах работы. Я открыла ее и вошла внутрь.

– Ты, должно быть, Джубили, – услышала я голос женщины, когда подошла к стойке в центре зала. Ее тонкие волосы с проседью облаком обрамляли лицо, а когда она встала, я поняла, что она стройна как соломинка, но вот бедра... Короче говоря, она была похожа на змею, которая только что проглотила грызуна.

Я кивнула в ответ.

– Я Луиза, начальник отдела. – Она кивнула. – На самом деле этот изящный титул просто означает «библиотекарь, который тут уже вечность». Добро пожаловать в библиотеку.

– Дорогуша, кто-то порвал три последних страницы этой книги. – Через несколько часов Луиза протянула мне «Если устроить свинье праздник». Это уже третья «дорогуша» с моего прихода.

Мне: ты сегодня взяла зонтик, дорогуша? После полудня обещали дождь.

По телефону кому-то, думаю, что дочери: Дорогуша, это так миленько! Полосатые штанишки и желтые крылья, я почти слышу, как она своим тоненьким голоском говорит: «Б-з-з-з-з-з». Я могу заскочить за ним по дороге домой сегодня.

Впрочем, «твою мать» я от нее тоже услышала, когда она уронила крупноформатное издание «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд прямо себе на ноги, и не знаю почему, но я даже улыбнулась.

– Теперь, когда тебе попадетсЯ вот такая порванная страница, не используй обычный скотч. У нас для этого есть специальная клейкая лента. – Она открыла ящик и вытащила оранжевую квадратную коробку с надписью «Фильмопласт» на боку. Она отматывала ленту, продолжая беседу. – За надрыв такого размера мы не штрафуем, но если ущерб сильный – страницы раскрашены, разбухли от воды или много листов вырвано – тогда обратись ко мне или Мэри-Энн, чтобы мы выставили штраф за восстановление или замену книги.

Мэри-Энн – директор библиотеки, это она позвонила мне через два дня после столкновения с Мэдисон Х., когда я уже начала убеждать себя в том, что и встречи никакой не было, что это все – плод моего буйного воображения или что в библиотеке нашли кого-то более квалифицированного, с опытом настоящей работы. Оказывается, не нашли.

Я кивнула, голова уже шла кругом от многочисленных инструкций, мне уже успели рассказать про систему на компьютере, про штрафы за задерживание книг, про перестановку книг на полках, про привередливый принтер, лоток которого должен быть наполовину заполнен бумагой, иначе он не работает нормально. Еще рассказали, как общаться с патронами (я сначала подумала, что это какие-то высокопоставленные покровители библиотеки, но оказалось, что это обычные посетители). Также на меня обрушился поток указаний Мэри-Энн, это были правила вроде: «Никогда не оставляй стойку без присмотра» или «Всегда улыбайся, когда встречаешь патронов». Но это все пустяки по сравнению с тем, как меня ошеломила библиотека в целом. Она небольшая – всего-навсего одноэтажное кирпичное здание, но мне казалась огромной. И, сидя за приемной стойкой, я чувствовала себя выставленной напоказ. Алмаз Хоупа посреди комнаты, разве что вокруг меня не было стеклянной витрины. Почти все утро я оборачивалась, пусть даже за моей спиной и ходило всего три-четыре человека и никто из них и близко не подходил к стойке.

– Ну класс, – пробормотала Луиза, закатывая глаза. – Подушечный гольфист пришел.

Я проследила за ее взглядом и увидела мужчину в тренировочных штанах, в руках подушка в цветочек, он шел к компьютерному уголку.

Я обернулась к Луизе.

– Его настоящее имя – Майкл. Ему чуть за тридцать, – прошептала она. – Безработный. Приходит сюда каждый день уже шесть месяцев с вот этой подушкой в руках. Он сидит на ней, пока играет в какой-то симулятор гольфа на компьютере. Видимо, просто на стуле сидеть неудобно. Однажды он так просидел восемь часов, даже не выходя в туалет!

Она засмеялась, а я опять посмотрела на него, ощущая с ним странную близость. Может, ему просто одиноко, а вот это чувство мне очень знакомо.

– Не знаю, говорила ли тебе Мэри-Энн, но у нас тут всякого насмотришься. В этой работе только шестьдесят процентов – книги. Оставшиеся сорок – работа на благо общества. В основном это помощь тем, у кого проблемы с психическим здоровьем.

Мои глаза поползли на лоб. С книгами я еще могла справиться. Принять, отдать, поставить на место. Но люди?

– Не бойся. – Луиза хлопнула меня по руке в перчатке. Я отдернула руку. Она посмотрела на меня, чуть приподняв брови. – Я знаю, привыкнуть сложно, но потом тебе понравится. Правда.

До конца дня я стараюсь держаться от Луизы на расстоянии.

Ну так, на всякий случай.

Как раз перед концом моей смены, в четыре часа дня, я заканчивала заполнять всякие документы, и мне попался в разделе о страховке вопрос о том, есть ли у меня какие-то хронические заболевания. Я сначала засомневалась, но все-таки поставила «галочку» в графе «аллергии», и в этот момент за моей спиной появилась Луиза с тележкой возвращенных книг.

– Верни их на место. Ряд девятьсот сорок шесть. И расставь по номерам, что наклеены на корешке. Как думаешь, справишься, дорогуша?

Я опять кивнула и поняла, что за день ничего вслух не сказала. Не удивилась, если бы Луиза начала думать, что я немая.

Я вышла из-за стойки на трясущихся ногах. Схватила за тележку. Место за столом стало моим домом на время смены, моей тихой гаванью. Но теперь мне словно пришлось выйти наружу – к стеллажам. А там люди. И кто знает, что может случиться? Все будет хорошо. И пусть было нелепым думать так, эта фраза помогла мне сделать несколько шагов. И опять я смотрела по сторонам, оглядывалась, ища людей, что glareют на меня, будто желая прожечь во мне дыру. Луиза не смотрела на меня. Все ее внимание было приковано к стойке, с которой она убирала все лишнее. Ее губы слегка шевелились, будто бы она что-то бормотала себе под нос.

Одно из колесиков тележки болталось и тихонько поскрипывало. Когда я дошла до ряда девятьсот сорок шесть, этот жуткий звук стих, но я услышала что-то другое. Какая-то возня, будто бы енот забрался на полки и пытался выбраться. Енот, который громко сопел и хихикал?... Мое сердце заколотилось. Я тихонько подкралась к следующему стеллажу и заглянула за угол, еще не зная, что меня там может поджидать. И вдруг я остановилась, ноги стали словно бетонными. В конце прохода два тела так тесно переплелись, что буквально стали одним. Какая-то путаница рук, вытянутых шей, ртов. Ожившее полотно Климта. И я не могла отвести взгляд, хоть и знала, что должна. Эта картина была будто из животного мира.

Это зрелище заставило мое горло сжаться, а тело гореть тем пожаром, который будил меня порой среди ночи. Я ощутила одновременно голод и жгучее унижение.

Высокий вскрик пронзил мои барабанные перепонки, и я поняла, что два лица, которые раньше были поглощены друг другом, теперь направлены на меня. Меня поразила их юность. У девочки брекеты, щеки зарумянились. У мальчика – россыпь прыщей на щеках.

– Ну ты и извращенка, – произнес он. Его глаза блестели от тестостерона.

И хоть я и знала, что должна была сказать что-то, приструнить их взрослым голосом, я не могу двинуться с места. Они расцепились, будто вагоны поезда, и девчонка быстро застегнула пуговицы блузки, пока парень не сводил с меня глаз.

Я чувствовала, что за моей спиной кто-то стоял, а потом услышала голос Луизы:

– Брендон! Фелисия! Я уже дважды вам говорила: библиотека – это вам не сиденье машины! Последний раз предупреждаю! Потом буду сразу звонить вашим родителям!

Они оба посмотрели в пол, Брендон взял Фелисию за руку и повел мимо стеллажей.

Когда они протиснулись мимо меня, Брендон шепнул мне прямо в ухо:

– Понравилось наше представление?

Я покраснела еще сильнее и пристально посмотрела на книги перед собой, пытаюсь думать только о цифрах.

Когда они ушли, Луиза пробормотала: «Похотливые подростки» – и прошла обратно к стойке, а я осталась наедине с тележкой книг, которые ждали, когда их расставят по местам.

Все проходили по своим делам мимо меня, но я не могла сделать ни шагу с потертого ковра. Я думала о Доноване.

О том, как его губы касались моих.

Глава шестая

Эрик

Не задумываясь, я выбрал из своей скромной коллекции синий галстук и накинул его на шею. По четвергам я всегда носил синий.

У меня не было синдрома навязчивых состояний или чего-то такого, я не выходил из себя, если в четверг не мог найти синий галстук. Просто так удобнее – нужно принимать на одно решение меньше. Так же живет и Марк Цукерберг, он каждый день носит серые футболки. Я – Марк Цукерберг от бухгалтерии. Иногда я использую эту фразу на вечеринках, она всегда вызывает натужный смех, который тешит мое самолюбие.

Я завязал узел полувиндзор и затянул петлю. Потом схватил часы с полочки в ванной и застегнул их на запястье. Когда я шел в кухню мимо комнаты Айжи, услышал, как тот стучит по кнопкам клавиатуры.

С первых дней, как мы стали жить вместе, меня насторожило то, сколько времени он проводит за компьютером, особенно если учесть, что ему тогда было всего восемь. Элли, конечно же, тоже не отрывалась от своего, но она была почти на пять лет старше. В восемь она каталась на велосипеде с соседскими детишками, ходила на кружок танцев и обожала кукол «Monster High». Но я не помню, чтобы Динеша волновало это, хотя его беспокоили сотни других вещей, связанных с Айжей. Так что это оказалось темой первого серьезного разговора, когда он переехал, и я понятия не имел, что надо было говорить, ведь большую часть «сложных» разговоров с Элли взяла на себя Стефани.

– Ты ведь знаешь, что люди там, в смысле, в интернете, они не всегда хорошие. Ну, к детям. Точнее, они сначала прикидываются милыми, а потом перестают ими быть. – Боже, даже я сам не понимал, что несу. – Я имею в виду не хулиганов, а... – и как это объяснить восьмилетке? Я тщательно выбирал слова.

– Ты о сексуальных маньяках? – Он четко и ясно произнес каждый слог, в своем обычном тоне. У меня отпала челюсть. – Я все об этом знаю. Я же не глупый.

– Вот и славно. – Я закрыл рот. Хотел было похлопать его по ноге, но вспомнил, как Динеш упоминал, что мальчик не любит, когда его трогают, так что я неловко похлопал покрывало у его ноги. – Хорошо поболтали.

И вот теперь я чувствовал, что разговор надо продолжить:

– Ну ты же там не общаешься ни с какими маньяками, да?

– Думаю, если бы и общался, то не знал бы об этом, разве не так?

Очко в его пользу.

Слава богу, Конни согласилась сегодня за ним присмотреть. Не без ворчания, конечно:

– У меня же тоже есть работа, знаешь ли.

Я не мог не подыграть:

– Конечно, знаю. И она тебе отлично дается. Ты лучший и самый малооплачиваемый юрист на этом берегу Пассаика.

В конце концов она уступила.

– Я это делаю, только потому что люблю Айжу. И потому что не хочу, чтобы он взорвал твою квартиру.

– Спасибо.

В дверь позвонили ровно в тот момент, когда я наливал себе вторую чашку кофе.

– Айжа, Конни пришла. – Он не ответил. Я посмотрел на время – до моего поезда оставалось двадцать минут – и открыл дверь. Конни протиснулась мимо меня и заглянула в чашку.

– Я думала, ты пытаешься слезть с него.

– Это первая за день, – соврал я и отвернулся, хотел позвать Айжу еще раз.

– Где маленький безобразник? – спросила она, кладя сумку на одинокое кресло в гостиной комнате. Впрочем, ее и «комнатой» назвать было сложно – так, небольшое пространство рядом с обеденной зоной, одновременно холл и рабочий кабинет. Вот как-то так и живут люди в квартирах. Я переехал сюда всего на шесть месяцев, и мне показалось, что везти и кухонный столик, и мебель для гостиной из моего дома в Нью-Гэмпшире – это уже чересчур. Я же не устраиваю званые ужины каждые выходные. Я их вообще никогда не устраивал.

– В своей комнате. За компьютером.

– А.

– Айжа! – Я развернулся и чуть в него не врезался. – Вот и ты.

– Чем занимаешься, чемпион? – спросила Конни.

– Болтаю с Игги, – ответил он, не глядя.

– Рэпершей? – Она сама усмехнулась своей же шутке.

Айжа уставился на нее.

– Ну знаешь, та австралийка? У нее еще огромная задница.

– Игги – мальчик. – Айжа поправил очки.

– Или сорокапятiletний сексуальный маньяк, – пошутил я. Хотя месяц назад, к изрядному смущению Айжи, я ворвался к нему в комнату, когда он болтал по скайпу с Игги, который оказался десятилетним ребенком. – Думаю, мы никогда не узнаем правду, да, Айжа?

Он пристально на меня посмотрел.

– Ты же знаешь. Ты его видел. Можно я вернусь в свою комнату?

– Нет. Я придумал тебе наказание. Сегодня ты разберешь все оставшиеся коробки, пока не найдешь остальные чашки.

– Хорошо.

Вот она – удивительная двойственность Айжи – с ним на удивление легко, когда он сам этого хочет. У него не бывает обычных для детей его возраста вспышек гнева или внезапного мрачного настроения.

– Вот и славно. – Я снова посмотрел на часы. Мне пора. Нельзя было пропустить поезд и опоздать на работу. – Еще раз спасибо, Кон.

– Иди уже. Мы справимся.

– Айжа, води себя хорошо.

Я схватил ключи, кошелек и направился к выходу.

– Эрик? – Айжа позвал меня, и я знал, что он скажет то же самое, что и говорил каждое утро на протяжении последних шести недель. – Не забудь поискать кресло-каталку!

Чертово кресло.

Позже тем же вечером – гораздо позже, потому как поезд застрял на добрых пятьдесят минут где-то между Секосусом и Ньюарком, а я уже было поверил в то, что я никогда не доберусь до дома – я вошел в свою тихую квартирку, толкая перед собой кресло-каталку. В итоге я нашел ее в магазине «Гудвилл» в Гарлеме за двадцать пять долларов, а весь обеденный перерыв до того я обзванивал все секонд-хенды в городе, пока не нашел этот. Мне было неловко ее покупать, ведь я, возможно, забирал ее у того, кому она и в самом деле необходима. Но я дал себе обещание вернуть ее, когда Айже она уже будет не нужна, и сделать пожертвование в какой-нибудь благотворительный фонд.

Конни читала на диване и встала, когда увидела меня.

– Как работа?

Вопрос застал меня врасплох. Уже так давно, по крайней мере два года с развода и еще очень долгое время до него, никто меня не спрашивал о подобном в конце дня. Никто обо мне не волновался. Я и не понимал, как мне этого не хватало до этой минуты.

– В порядке. Как Айжа?

– Спит. Он хороший ребенок.

– Я знаю. – Я слегка улыбнулся. Иногда, как и все дети, он расстраивает, но нет никаких сомнений в том, что он хороший. Даже лучше большинства других людей. Я прикатил кресло к стене, там он его увидит сразу, как проснется.

– Мы нашли кофейные кружки, – поделилась Конни.

– Да ладно?

– Ага. В коробке, на которой было написано «настольные игры, фишки для покера и всякая дребедень отовсюду».

Я удивился.

– У меня есть фишки для покера?

– Судя по всему.

– Ого. – Я бросил кошелек и ключи на столик у дивана. – Спасибо тебе. Вот правда.

Завтра в то же время?

– Ага. – Она потихоньку начала собираться. – Мы и еще кое-что нашли.

– Надеюсь, это миски? Их я тоже не мог найти. Айжа ест рисовые хлопья из керамической супницы.

– Это дневник. – Конни прокашлялась. – Дневник Элли.

Я снова на нее уставился. Я и не знал, что Элли вела дневник.

– Как он попал в мои вещи?

– Понятия не имею. Может, она у тебя его забыла?

Я запустил руку в волосы.

– Что мне с ним делать? Прочитать?

Меня переполняло внезапное желание это сделать. Забраться в мозг Элли, выяснить, о чем она думает. Раскрыть тайну под названием «моя дочь-подросток».

– Нет! Тебе нельзя читать дневник дочери. Это против всех правил воспитания. Всех!

Я знал, что она была права. Она права. И тем не менее.

– Я мог бы написать ей и спросить, нужно ли его вернуть, но она со мной толком не разговаривает.

– Эрик...

– Я знаю, знаю. Уверен, что надо ей его вернуть. Я его почтой отправлю.

– Эрик. – Она смотрела на меня, пригвождая взглядом вечно изменяющихся карих глаз, точной копией моих. И в тот момент они были скорее зеленые, чем карие.

– Что? Я не буду его читать. Клянусь. – Я приложил руку к сердцу. – Где он?

Она еще какое-то время смотрела на меня, а потом ответила:

– На твоём комод.

Она прошла мимо меня, забрала сумку с кресла, а потом повернулась и обхватила меня за плечи. Мне было неловко. У нас в семье как-то не приняты объятия.

– Эм-м, Кон?

Она отпустила меня и кивнула.

– Я просто хочу, чтобы ты нашел кого-нибудь. Ты не должен проходить через все это в одиночестве.

Я фыркнул, хотя не был с ней не так уж и не согласен.

– Ты опять собираешься меня с кем-то свести? В прошлый раз вышло не очень.

Через год после развода я пошел на свидание вслепую с какой-то девицей, с которой Конни познакомилась в колледже и которая жила в полчаса езды от меня. Юрист. Поверенный

какой-то компании, кажется. Она была милой – с большими глазами лани, пухлыми губами, которые уравнивались лишь линиями носа и тонкими, идеально прямыми волосами, которые падали ей на плечи. Она легко смеялась моим нелепым шуткам и храбро отстаивала свою точку зрения (как и любой хороший юрист) в споре о том, какая тортилья лучше: кукурузная или пшеничная.

Я был галантен, вел себя как джентльмен. Смеялся, когда от меня этого ждали, открывал дверцу машины, принес ей стакан воды после бурного секса тем же вечером.

Но, проснувшись в одиночестве на следующее утро, я уставился на свое отражение в зеркале, ища... я даже не знаю чего. Я не чувствовал ничего. Даже хуже, чем ничего, мне казалось, что я потерял конечность, а боль в ней еще преследует меня. Днем я позвонил ей и оставил голосовое сообщение, сказал, что я отлично провел время, но не готов с кем-то встречаться.

– Ты тогда только прошел через развод. Было еще рано. Это нормально.

Я сунул руки в карманы и пожал плечами:

– Я и не знал, что ко мне применимо слово «нормально».

Она улыбнулась в ответ.

– Я пыталась сказать тебе это несколько лет. – Она потянулась к дверной ручке. – Увидимся завтра.

Когда Конни ушла, я вытащил из заднего кармана мобильный телефон и пролистал контакты до «Элли». Конечно же, если я ей скажу о дневнике, она не сможет не ответить. Даже угрозы в стиле «не думай читать его, или...» будут лучше, чем тишина. И тогда я смог бы сказать, что у меня и в мыслях не было предавать ее доверие, что я тут же верну его почтой, может, так я заработаю пару очков в свою пользу. Но все это выглядело как манипуляция, и, раз уж я так сильно хотел, чтобы моя дочь опять со мной говорила, я решил не вынуждать ее отвечать.

Так что я быстро набрал сообщение:

Люблю тебя, Элли. Папа.

Я погасил свет и направился к своей спальне, на секунду остановившись у двери комнаты Айжи и приложив к ней ухо. Я, конечно, услышал стук клавиш его компьютера. И решил дать ему еще немного времени.

Уже у себя в комнате я сел на кровать, матрас скрипнул подо мной. Я снял ботинки по одному, думая о том, что Конни спросила, как у меня прошел день. Напряженно. Вот как он прошел. Так же как и любой другой день всего месяца, как я вышел на эту работу. В общем-то, наш самый крупный клиент решил приобрести компанию «S & P» именно сейчас, а не до того, как Шелли уйдет в декрет и не после того, как она из него вернется. И она оставила меня, да и всю команду, но больше всего меня, ведь я за это отвечаю. И не осталось места для маневров, ведь в случае ошибки должны были полететь наши головы.

Я ослабил узел галстука и откинулся на кровать, глядя на мою захламленную комнату и жалея себя: «Какого черта я вообще делаю в этой квартире в Нью-Джерси». Блокнот на комодке бросился мне в глаза. Дневник Элли.

Элли. Моя дочь, которая меня ненавидит. Я знаю, что развод и ей дался нелегко – разве он проходит легко для ребенка? Но я никогда не думал, что все закончится вот так. У нас были хорошие отношения. Во всяком случае, мне так казалось. Лучше, чем у многих. Я точно знал, как ее рассмешить. Избитые шутки, гримасы за спиной у Стефани, неплохие каламбуры. Мы смотрели все серии всех сезонов «Удивительных гонок» вместе, и лучший момент моей жизни был тогда, когда она повернулась ко мне и сказала:

– Нам надо поучаствовать. Мы точно можем выиграть.

И как мы пришли от гипотетической команды мирового реалити-шоу к этому? Я снова посмотрел на ее дневник и отвернулся, в надежде, что желание в него заглянуть ослабнет.

Но нет. Я встал с кровати, взял блокнот, выдвинул верхний ящик и закинул в него дневник, захлопывая ящик, пока глаза и руки не предали намерения моего разума.

Я постучался к Айже. Расслышал какое-то ворчание и решил, что это разрешение войти. Увидел его профиль, взгляд был прикован к экрану. Я с минуту так стоял, но он не шевельнулся.

– Я тебе сегодня кресло нашел.

Он снова что-то проворчал.

– Эй, ты меня слышал? Я думал, что ты действительно обрадуешься.

Он повернулся ко мне, глаза большие и серьезные.

– Я только узнал, что в этой школе не надевают костюмы на Хэллоуин, как это было дома. Миссис Беннетт говорит, что это слишком отвлекает.

Я подавил вздох. Было бы очень мило с их стороны предупредить об этом до того, как я весь обеденный перерыв потратил на то, чтобы найти кресло.

– Но ты же все еще можешь надеть его на праздничную ночь. Пойти пугать соседей?

– Для этого я уже слишком взрослый.

– Разве? – Я попытался вспомнить, когда Элли перестала наряжаться. Примерно в этом же возрасте. – Ну, что же, возможно, оно и к лучшему, если учесть, что кого-то это могло обидеть...

– Я найду, куда пойти в костюме, – отрезал Айжа.

Я потер лицо. Подумал, может, поспорить с ним, доказать ему мою точку зрения, но решил, что оно того не стоит. Если в школу так одеться нельзя, а по соседям он не пойдет, то шансы на то, что он найдет, куда отправиться в таком виде, мягко говоря, невелики. Да и непохоже, что у него в школе куча друзей, которые будут зазывать его на вечеринки.

– Что ты тут делаешь?

– Болтаю с Игги.

Я немного помолчал.

– Еще чуть-чуть, и ложись в кровать. Уже поздно.

Он не ответил, так что я тихонько прикрыл за собой дверь. И когда я ее уже почти закрыл, вдруг услышал, как он бормочет:

– Меня бесит, что мы тут.

Щелкнула дверная ручка, я сделал глубокий вдох и закрыл глаза, пытаясь проглотить ком вины, и сказал себе: это всего на шесть месяцев.

В субботу мы с Айжей собирались съездить в приют для животных. Хотя собака – последнее, что нам было нужно, но я не мог перестать думать об Элли. Я залез в дневник. Я знаю, что не должен был, но в какой-то момент я уже не мог о нем не думать, представлял, будто у него есть какое-то волшебное знание, доступ к разуму Элли, и я смогу понять, почему она так злится, почему она не разговаривает со мной. И тогда я открыл ящик, в который запрятал блокнот. И прежде чем я смог сказать самому себе, что поступаю неправильно, я открыл его и начал читать. И тут мне стало понятно: это не совсем дневник, и, видимо, поэтому Элли не так заботит, где он. То есть это дневник в том смысле, что она записывала в него свои мысли. Но это было что-то вроде школьного задания, потому что на внутренней стороне обложки стоит оценка «Отлично» (вот это моя дочка, ну, или такой *была* моя дочка, пока не связалась с этой Дарси, и ее оценки не скатились на двойки и тройки). Каждая страница была посвящена какой-то книге – наверное, она читала эти книги и потом делилась мыслями о них с дневником.

И, справедливости ради, я тут же отправил ей сообщение:

Нашел твой книжный дневник. Ничего, если я в него загляну? Папа.

Кто там сказал, что лучше просить прощения, чем разрешения? Ну что же, это скорее было похоже на то, что я просил разрешения на уже сделанное, но так тоже пойдет. В любом случае, я решил, что ее молчание – знак согласия. И сейчас я перечитывал ее заметки по «Над пропастью во ржи» (я читал ее в старшей школе, но уже не помнил, о чем книга), когда Айжа появился на пороге моей комнаты.

Я отбросил дневник, будто бы это был журнал с порнографией (даже несмотря на ее молчаливое согласие, я все равно чувствовал себя виноватым).

– Ты готов? Ты сказал, что в девять утра мы выезжаем в приют.

– Да, прости. – Я бросил взгляд на дневник, и меня осенило. Способ наладить отношения с Элли. – Но сначала мы кое-куда заедем.

– Куда?

– В библиотеку.

Через тридцать минут я уже тянулся к ручке на входной двери библиотеки Линкольна и тут замечаю объявление:

ПРИХОДИТЕ К НАМ 31 ОКТЯБРЯ
БУДЕМ ЧИТАТЬ СКАЗКИ-СТРАШИЛКИ ДЕТЯМ ВСЕХ
ВОЗРАСТОВ
ПРИХОДИТЕ В КОСТЮМАХ (ГЕРОИ КНИГ ПРИВЕТСТВУЮТСЯ)
БЕСПЛАТНЫЕ СЛАДОСТИ!

Я обернулся на Айжу, тот сиял, как начищенный пятак.

– Я же говорил, что найду, куда мне надеть костюм.

Я кивнул и открыл дверь.

Глава седьмая

Джубили

– Не забудь надеть карнавальный костюм на Хэллоуин, дорогая! – Это было последнее, что мне сказала Луиза на мой пятый рабочий день.

– Костюм?

– Завтра же День всех святых. Мы всегда в библиотеке переодеваемся.

Я всего один раз переодевалась на Хэллоуин. Мне было девять, и мы с моей единственной подругой детства, Грэйси Ли, оделись близняшками из «Сияния».

– Почему вообще вы решили так вырядиться? Выглядит ну очень жутко, – спрашивала мама, стряхивая пепел с сигареты в бумажную тарелку.

Грэйси Ли сняла свой синий слуховой аппарат и надела перчатки, чтобы больше походить на меня, хоть девочки из фильма их и не носили. Но никто так и не понял, кто мы – может, потому что мы вообще не были похожи, одна женщина даже сказала, что мы «миленькие». Грэйси Ли не могла услышать это, поэтому я придумала, что женщина сочла нас страшными, и Грэйси улыбнулась. А потом в моей памяти всплыло другое воспоминание с того же праздника. Мы разбирали все собранные сокровища-сладости в конце вечера, когда Грэйси откусила шоколадный батончик, а тот оказался с карамелью. Она терпеть ее не могла и протянула шоколадку мне. И я даже не успела коснуться ее губами, когда мама выбила сладость у меня из руки. Она закричала:

– Ты что, пытаешься покончить с собой? Ты умереть хочешь?

В ту ночь я видела призраков, вампиров и мальчика в ужасной маске, которая выглядела так, будто бы с его лица капала настоящая кровь, но это было самое страшное, что я видела в жизни. Меня все еще трясло, когда я ложилась спать.

И в то утро, уставившись в гардероб матери, я проводила кончиками пальцев по рукавам каждого костюма и каждой блузки, надеясь, что меня осенит. Но единственное, что пока пришло мне на ум, – нарядиться, как Барби в деловом стиле, надев мамин ярко-розовый костюм, потому что только его я еще не надевала, как раз из-за цвета.

Пальцы мои дошли до стенки кладовой и нащупали что-то мягкое. Я стянула наряд с вешалки и поднесла к свету. Это было длинное белое одеяние, скорее похожее на ночную сорочку, а не на свадебное платье. Ума не приложу, зачем моей матери оно было нужно – такое простое и закрывающее слишком много тела (на ее вкус), но оно было идеально.

Я буду Эмили Дикинсон. В последние годы ее жизни, когда она не выходила из дома, носила только белое и говорила с друзьями и родственниками через дверь. Я стянула толстовку и тренировочные штаны и надела сорочку. Как и все наряды моей матери, она не села по фигуре, но и так было неплохо. В ванной я распустила волосы, стянутые резинкой в хвостик на макушке. И пусть Эмили Дикинсон всегда зачесывала волосы назад и стягивала в пучок, судя по портретам. Да и я всегда на работе собирала волосы в хвост. Но я решила оставить их распущенными. Если она заперлась у себя в доме на несколько лет и не принимала гостей, довольно логично, что за волосами она особенно не следила. Я бросила последний взгляд на себя в зеркале, а потом спустилась за перчатками и ключами.

Когда я вошла в библиотеку, Луиза удивленно произнесла:

– Дорогая, ты что, проспала?

– Нет.

Она нахмурилась.

– Почему тогда на тебе ночная рубашка?

– Это мой костюм. – Я бросила сумку на стойку.

На ней была черная фуражка и очки-авиаторы, так что я скорее чувствовала ее пристальный взгляд, чем видела его.

– Ты та странная певица? Леди Гага или как ее там?

– Нет. Я Эмили Дикинсон.

– Поэтесса?

– Ага.

Чувствовалось, что Луиза пыталась понять, в чем подвох.

– В конце жизни она жила как отшельница и носила только белое.

– А-а.

Она повернулась ко мне, и я увидела серебристые наручники, свисающие с пояса. Она показала на карточку на груди. «Полиция. Отдел грамматики».

– У тебя «грамматики» с ошибкой написано.

– Да? – Она опустила взгляд. – Вот черт.

Луиза отклеила карточку и взяла чистый лист из принтера на столе. А я тем временем толкнула тележку к двери, чтобы забрать оставленные снаружи книги.

Библиотека уже не казалось мне такой огромной, как в первый день, но мне было все еще не по себе, когда я выходила из-за стола. Каждый раз я будто бы испытывала себя. Как далеко я смогу пройти сегодня? Я знала ответ: до коробки с возвращенными книгами у входа. Библиотека и, как ни странно, люди в ней будто бы стали частью меня.

Трое других библиотекарей обычно работали по сменам: Мэри-Энн, директор библиотеки, Роджер, который отвечал за отдел детской литературы, и Шайна, еще один ассистент. Но больше всех мне нравилась Луиза. Может, потому что она была первой, с кем я тут познакомилась, и с ней мне было наиболее комфортно общаться. Или потому, что с ней я общалась больше всех – Роджер сидел за столом у себя в отделе, наши с Шайной смены пересекались всего на несколько часов в день, а Мэри-Энн часто работала в своем кабинете или уходила на встречи. Или потому, что Луиза ко мне не приставала. Первое, что сделала Шайна, когда мы только познакомились, – закидала меня кучей вопросов: «А перчатки зачем? Ты что, вечно мерзнешь?» Я пожала плечами и буркнула: «Что-то вроде того». А Луиза никогда не спрашивала о перчатках, да и ни о чем таком, что не касалось работы: есть ли у меня парень или в какой колледж я ходила. Она просто делала свою работу, а я – свою.

В два сорок пять ко мне подбежала запыхавшаяся Луиза.

– Разве у тебя не обеденный перерыв?

– Мне пришлось вернуться. Мэри-Энн позвонила, говорит, что Роджер сегодня не придет. – Она еле дышала.

– Может, присядешь? – Полицейская фуражка сбилась набок с ее серебристого начеса, а карточка на груди поднималась и опускалась.

– Не, я в порядке. Просто бегать не привыкла.

Я так и видела, как она выбежала из кофейни «Чай и кексики», где обычно обедала, в этом своем наряде полицейского, мчалась по тротуару обратно в библиотеку, и окружающие, должно быть, думали: «Где-то человек оговорился! Прочь с дороги».

– Тебе придется почитать детям сказки.

– Мне?

– Да, тебе. Я останусь приглядывать за стойкой.

– Но я никогда этого не делала. – У меня закружилась голова.

– Тут – да. Но раньше тебе же приходилось читать детям. Племянникам? Младшим братьям?

Я помотала головой. А она нахмурилась.

– Это легко. Роджер оставил на своем столе три книги, я думаю, тебе надо будет раздать конфеты и спеть песенку или что-то такое. Всего на полчаса.

– Спеть песенку?! – С каждой секундой становится все хуже.

– Ну да. Давай же, дорогуша. – Она махала на меня руками, прогоняя в детский отдел. – Дети... ой, смотри, некоторые вон уже заходят.

Я схватила книги Роджера со стола и пошла к круглому ковру, на котором стоял одинокий стул для взрослого. Я села на него и подняла глаза на тех, кто уже пришел и мчался ко мне, сгорая от нетерпения. Пришла девочка-пират, три принцессы в, кажется, одинаковых синих платьях и мальчик в костюме космонавта.

Я робко улыбнулась им, но, когда они подошли ближе, я заметила, что они не улыбаются в ответ. Одна из девочек, принцесс, выглядела довольно злобной.

Сердце застучало как бешеное.

– Где мистер Роджерс? – спросила она.

Я хотела было сказать, что его зовут Роджер, без «с», что его фамилия Браун, и таким образом он не может быть Роджерсом, который был частым гостем на детских передачах, но сейчас явно не подходящий для этого момент.

– Он заболел, – ответила я, хоть и не была в этом уверена. Луиза же не сказала, почему он не придет. – Я его заменяю.

– А у тебя конфеты есть?

Черт. Конфеты. Я взяла только книжки.

– Есть. – Только бы Роджер оставил конфеты где-нибудь на своем столе.

Она уставилась на меня еще на мгновение, а потом кивнула, будто бы я прошла кастинг и соответствую ее требованиям. Затем она и две других принцессы сели рядом, а к ним подтянулись другие дети.

Такое чувство, что они шли со всех сторон, мне хотелось согнать их вместе, как стадо, чтобы видеть всех одновременно. А что, если кто-то из них подойдет слишком близко и захочет тронуть меня? Дети как змеи – они непредсказуемы. Я подвинула стул к стене, подальше от них, и почувствовала, как сжалось горло, будто бы до меня уже дотронулись.

Я озиралась вокруг в надежде, что Роджер все же придет, или Луиза поможет, или сработает пожарная тревога, и нам придется эвакуировать всех из здания... все, что угодно, лишь бы закончился этот кошмар. Но вместо этого я увидела Мэдисон Х. Она толкала коляску и вела двух детей к нам. Сердце чуть замедлилось.

Она подошла ближе и оглядела меня.

– Ты с утра расчесаться забыла?

И прежде чем я успела ответить, девчушка, что держала ее за руку, произнесла:

– Мапочка, это же костюм.

– А, ну да, точно! Теперь понятно. – Мэдисон снова на меня уставилась. – Ты та девица, которая выбирается из телевизора в фильме, как там назывался... «Звонок»? Жуть какая!

– Конечно же нет, – сказала ее дочка, закатывая глаза, что выглядело ужасно по-взрослому для такого маленького ребенка. Но что я вообще знала о детях. – Она Леди Гага.

Я покачала головой:

– Нет, я...

– Леди Гага не ходит в пижаме, – перебил меня тоненький голосок, думаю, что он принадлежал пиратке.

– Ты – Дух Прошлого Рождества? – предположил еще кто-то.

– Я знаю! Я знаю! Она амиш! Меня бабушка вози-ла к ним в Пенсильванию в том году. У них нет ни телевизоров, ни посудомоечных машин.

– У всех есть телевизоры.

Я пыталась высмотреть, кто это сказал, но в такой гаме это было невозможно.

– Она – серийный убийца. – Слово «убийца» словно высосало весь воздух из комнаты, и все обернулись на мальчишку в инвалидной коляске. Его темные глаза не смотрели на меня, они вообще ни на кого не смотрят.

Его отец, во всяком случае я думаю, что он был его отец, хоть они совсем и не похожи друг на друга, стоял за креслом, вцепившись в его ручки, и нервно смеялся:

– С чего ты так решил, дружище?

– Перчатки. Серийные убийцы надевают перчатки.

Пятнадцать ребятишек отвернулись от него и во все глаза посмотрели на меня и на мои руки. Я заерзала на стуле, сердце опять заколотилось.

– Кто такой «серийный убийца»? Это кто-то, кто очень любит сериалы?

– Почему они носят перчатки?

– Я люблю мультсериалы!

– Ты нас убьешь? – раздался трясущийся голосок.

По меньшей мере двое разрыдались.

Мне казалось, что мое сердце колотится так громко, что его вот-вот кто-то услышит. Как в той истории, что написал Эдгар Аллан По. Это гораздо хуже, чем я ожидала. Я смотрела по сторонам в поисках пути для отступления, но дети все заполонили. Я сделала глубокий вдох и хлопнула в ладоши, обернутые кожей перчаток. Я с этим справлюсь.

– Никто никого убивать не собирается. – Я одарила их самой дружелюбной из своих улыбок. – И одета я не как серийный убийца, не как Леди Гага, не как амиш, хотя ваши варианты мне понравились. – Я кивнула пожарному, думаю, это он говорил про амишей и телевизоры. Он просиял. – Дам вам одну подсказку.

Я почувствовала, что дети подались вперед. И даже несмотря на то, что это всего лишь дети, мои щеки покраснелись, и я мечтала о том, чтобы стул подо мной развалился, и я осталась завалена обломками. Я кашлянула.

– Надежда, – первое слово вырвалось пискom, будто я мышь. Пробую еще раз. – Надежда – птичка малая на жердочке души. Ее простые песенки без слов, но хороши⁴.

Стихи повисли в воздухе, дети молча глазели на меня. Наконец один из них решается:

– Ты – птица?

Я разглядывала их маленькие личики. Думаю, они были просто еще слишком юны для Эмили Дикинсон. И тут мой взгляд упал на отца, стоящего за креслом-каталкой. Он смотрел на меня, но не просто смотрел, его глаза буравили мое лицо, он почти смотрел *сквозь* меня, не мигая. Может, он все еще считал, что я серийный убийца.

Я опустила взгляд и взяла первую книгу из стопки.

– Плоский Стэнли и дом с привидениями, – объявила я. – Начнем.

Прозвучали крики радости. Никогда не слышала о плоском Стэнли, но, судя по реакции, он нравился детям. Про себя я благодарила Роджера хотя бы за то, что он выбрал подходящие книги.

Позже, когда дети с полными руками сладостей рассыпались между рядами стеллажей искать своих родителей (Луиза нашла пакеты с конфетами и принесла их мне), Мэдисон Х. подкатила ко мне свою коляску и шепнула:

– До сих пор поверить не могу, что Донован не пришел. Дети ждали этого несколько недель.

⁴ Перевод с английского Елены Рап.

Я опустила взгляд на ребенка, уютно устроившегося в автокресле, он внимательно смотрел на нас. Интересно, каково это – держать на руках ребенка. Чувствовать, как его ресницы щекочут щеку.

– Он сказал, что у него какая-то очень важная встреча. – Она изображает кавычки пальцами. – Думаю, что на самом деле это значит: я буду трахать секретаршу.

Я закашлялась от неожиданности, прямо-таки поперхнулась ее словами. И надеялась, что этого никто не услышал.

– В любом случае, я была рада с тобой увидеться. Надо будет выбраться пообедать на следующей неделе.

Я уставилась на нее так, словно она вдруг заговорила на суахили. *Пообедать*. Интересно, она так сказала из вежливости или на самом деле хотела это сделать.

– Сэмми! Ханна! Идем! – Я слышала, как они захныкали, нытье доносилось от стеллажей детской секции. – Скорее! – Она все же смягчается. – Давайте же, я вам куплю кофе мокка по дороге домой.

Кофе мокка? С каких пор дети стали пить кофе?

Теперь со стороны Ханны и Сэмми слышались крики радости, а потом донесся и топот ног, бегущих к маме. Я лавировала между детьми по дороге обратно к своей стойке. Луиза подняла голову, когда я подошла.

– Ну что? Видишь, все не так уж и плохо прошло. – Она смотрела мимо меня, а потом понизила голос до шепота: – Ой, дорогуша, только не смотри на него сейчас. Вон тот парень заходил сюда недавно. Он и его отпрыск малость... того.

Она отвернулась, делая вид, что проверяет книги, а я выплянула из-за стойки (кто из нас не начинал пялиться сразу после слов «только не смотри сейчас»), и оказалось, что прямо передо мной стоял папа мальчика-колясочника. Мужчина высокий, но не статный. Волосы его были такого цвета, какой получается, если смешать разные специи – мускатный орех и корицу и добавить щепотку соли. И еще они торчали в разные стороны, так и прося, чтобы рука какой-нибудь бабульки их пригладила. Если бы не серьезный, даже мрачный взгляд, он был бы даже милым. Я опустила глаза на его сына в инвалидной коляске, он пытался подъехать к стойке.

– Помогите мне, – попросил он отца. Он выглядел таким маленьким в этом кресле, а его глаза казались огромными – так много сил он вкладывал в управление коляской. Он тут же растопил мое сердце – даже несмотря на то, что он называл меня серийным убийцей.

– Нет. – Мужчина отвернулся от меня к мальчику. – Я же говорил, что не буду катать тебя весь день.

Это прозвучало так бездушно, так грубо, что я разинула рот. Может, это был какой-то новомодный стиль воспитания, а-ля проявление любви через жесткость, но, как по мне, это выглядело невероятно печально. Мальчик же инвалид, в конце концов.

Отец поставил передо мной стопку книг, но я не торопилась их выписывать. Я наблюдала, как мальчик сражался со слишком большими для него колесами. Почувствовав на себе взгляд, он поднял голову и тут же опустил ее.

– Тебе нужно было надеть очки, – сказал он.

– Что? – Я не была уверена, что он обращался ко мне, потому что он на меня не смотрел.

– Большие, с прозрачной оправой. – Он задыхался от натуги.

– Тебе помочь? – спросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.